

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2024

№ 34

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 41276

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Н.А. Мишанкина (Томск, Россия) –
главный редактор
Т.А. Демешкина (Томск,
Россия) – зам. главного редактора
С.С. Земичева (Москва, Россия) –
отв. секретарь
Н.В. Свада (Томск,
Россия) – зам. отв. секретаря

Natalya A. Mishankina (Tomsk,
Russia) – Editor-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina (Tomsk,
Russia) – Deputy Editor-in-Chief
Svetlana S. Zemicheva (Moscow,
Russia) – Executive Editor
Natalya V. Svada (Tomsk,
Russia) – Deputy Executive Editor

В.Ю. Апресян
(Москва, Россия)
Н.Д. Голев
(Кемерово, Россия)
А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова
(Томск, Россия)
В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Мызников
(Москва, Россия)
А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде
(Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш
(Грац, Австрия)
Е.А. Юрина (Москва, Россия)
И. Янышкова
(Брно, Чехия)

Valentina Yu. Apresyan
(Moscow, Russia)
Nikolai D. Golev
(Kemerovo, Russia)
Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova
(Tomsk, Russia)
Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)
Sergey A. Myznikov
(Moscow, Russia)
Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)
Olga V. Felde
(Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokoruš
(Graz, Austria)
Yelena A. Yurina (Moscow, Russia)
Irena Janyšková
(Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Гизатова Г.К. Корпусный подход в создании тезауруса идиом татарского языка	5
Роббек Л.В. Концепция словаря языка олонхо	24
Шведова Е.Е. Проект словаря новоарамейских глаголов	42

ЭЛЕКТРОННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Казяба В.В., Попов Р.В. Региолектная лексикография: проблемы и их решение в эпоху цифровизации	62
---	----

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бобунова М.А. Лексикографические комплексы онежских былин как база изучения идиолекта сказителя эпоса	83
--	----

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Gizatova G.K. A corpus-based approach to a thesaurus of Tatar idioms	5
Robbek L.V. The Olonkho language dictionary concept	24
Shvedova E.E. The project of a lexicon of Neo-Aramaic verbs	42

ELECTRONIC LEXICOGRAPHY

Kaziaba V.V., Popov R.V. Regiolect lexicography: Problems and their solutions in the age of digitalization	62
---	----

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Bobunova M.A. Lexicographic complexes of Onega epics as a basis for studying the epic narrator's idiolect	83
--	----

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья
УДК 81'374
doi: 10.17223/22274200/34/1

Корпусный подход в создании тезауруса идиом татарского языка

Гузель Казбековна Гизатова¹

¹ *Казанский федеральный университет, Казань, Россия, guzelgizat52@gmail.com*

Аннотация. Представлен проект «Словаря-тезауруса идиом татарского языка». Описываются основные принципы, лежащие в основе его построения. Необходимость создания такого словаря связана с тем, что в настоящее время в отечественной лексикографической практике отсутствует полное идеографическое описание идиом татарского языка. Исследование базируется на основных постулатах когнитивной лингвистики и, в первую очередь, на системной организации структурирования семантических полей. Результаты анализа показали, что применение корпусов текстов представляет новую информацию о семантике татарских идиом.

Ключевые слова: тезаурус, идиомы, татарский язык, семантические поля, корпус

Для цитирования: Гизатова Г.К. Корпусный подход в создании тезауруса идиом татарского языка // Вопросы лексикографии. 2024. № 34. С. 5–23. doi: 10.17223/22274200/34/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/34/1

A corpus-based approach to a thesaurus of Tatar idioms

Guzel K. Gizatova¹

¹ *Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, guzelgizat52@gmail.com*

Abstract. The main aim of the project is an ideographic description of modern Tatar idioms, i.e., organization of idioms according to semantic fields which are defined as a set of lexical units connected with each other by some salient semantic features. The totality of semantic fields along with the conceptual links between them construct the thesaurus of a given language, which can be represented in the form of a semantic network. The need for a new type of dictionary is motivated by the fact that, at present, there is no a comprehensive dictionary of Tatar idioms built on a thesaural principle. The idioms are explored along two revealing lines of inquiry. The first line focuses on a semantic description of idioms and their placement into appropriate taxa according to their meanings. The second line illustrates advantages of organizing a dictionary based on an analysis of corpus data. The idioms were collected from monolingual and bilingual Tatar phraseological dictionaries by continuous sampling. The illustrative materials were sampled from the Written Tatar Corpus containing 620 million words; the Tatar National Corpus (260 million words); and corpus query system Sketch Engine, its **Tatar Web** Corpus (102 million words). This made it possible to find all occurrences of idioms under analysis and obtain statistically representative data. The findings were processed manually. The Thesaurus is based on an inductive method, that is, from idioms to semantic fields and not from an abstract logical outline to idioms. The aim of the first stage was to describe the semantic features of each idiom and assign a descriptor or several descriptors to the idiom under consideration. At the second stage, the idioms were grouped into semantic fields/taxa in accordance with their meanings. The third stage of classification is connected with checking the correctness of the conceptual marking of idioms, which is of primary importance for regrouping the existing idiom stock. At this point, the frequency of each idiom was checked in the corpus. After idioms were classified on the basis of their dictionary definitions, it was necessary to clarify the information about their meaning and usage. For this purpose, idioms were searched in text corpora. In our case, a corpus-illustrated approach is used as a source of illustrative material. Its purpose is the selection of contexts that could be a source of paradigmatic examples. This approach is relevant in lexicographic work. There is no doubt that a dictionary in which material is drawn from the corpus is more objective, than one with illustrative examples based on linguistic intuition. The results of the research have proved that the use of illustrative materials based on

corpus data presents new information on the semantic features of idioms, which contributed to the achievement of the aim.

Keywords: thesaurus, idioms, Tatar language, semantic fields, corpus

For citation: Gizatova, G.K. (2024) A corpus-based approach to a thesaurus of Tatar idioms. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 34. pp. 5–23. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/34/1

Введение

Цель данной статьи – представить концепцию «Словаря-тезауруса идиом татарского языка» (далее – Тезаурус), которая описывается впервые в отечественной лексикографии. Для достижения основной цели статьи были поставлены следующие задачи: 1) представить принципы, по которым идиомы классифицируются и распределяются по таксонам словника, 2) проиллюстрировать преимущества использования корпусных данных для составления словаря.

Отличие Тезауруса (идеографического словаря) от других лексикографических источников заключается в способе структурирования языкового материала. Идиомы в словаре организованы на основе их значений, а не в алфавитном порядке. Необходимость создания нового типа фразеологического словаря мотивирована тем, что в настоящее время в отечественной лексикографии Тезауруса татарских идиом нет. Новизна подхода к составлению словаря проявляется в отражении семантических связей между таксонами – антонимических, родовидовых и отношений включения, которые охватываются системой парадигматических отсылок.

В зависимости от типа словаря варьируются как область фиксируемого знания, так и методы его представления. «В наиболее четком и ясном виде идея представления знаний о мире связывается с так называемыми идеографическими словарями, поскольку в качестве входа словарных статей фигурируют не выражения естественного языка, а выражения семантического метаязыка, непосредственно соотносимые со сферой знаний» [2. С. 364].

В работе мы опираемся на следующее определение термина «тезаурус» (от греч. *θησαυρός* – сокровище, сокровищница) – это «словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» [3. С. 148]. Тезаурус Роже (*Roget's Thesaurus of English Words and Phrases* – первое издание в 1852 г.)

является первым и наиболее известным из имеющихся тезаурусов в мировой лексикографической практике [4]. Словарь имеет индекс концептов и составлен согласно семантическим категориям. Тезаурус Роже – первый источник теоретически обоснованной модели логической структуры английской лексики. Этот труд был мотивирующим фактором становления идеографической лексикографии во многих языках: французском [5], немецком [6], испанском [7].

Наибольший интерес в отечественной лингвистике к идеографической лексикографии в лексической системе языка проявился в 70–80-е гг. прошлого столетия. В 1976 г. издан «Минимальный идеографический словарь» Ю.Н. Караулова [8], в 1995 вышел в свет «Идеографический словарь русского языка», составленный О.С. Барановым [9]. В тюркологии в 1975 г. опубликован первый двуязычный словарь, организованный по тематическому принципу «Русско-узбекский тематический словарь» [10]. Слова размещены по 16 темам, которые объединены в 3 цикла: «Природа», «Жизнь и деятельность человека» и «Пространство, время, количество, счёт». После значительного затишья в три десятилетия интерес к тематическим и идеографическим словарям в тюркологии пробуждается вновь и ряд двуязычных словарей выходит в свет: «Русско-азербайджанский тематический словарь» [11], «Русско-турецкий тематический словарь» [12], «Русско-якутский тематический словарь» [13]. Все названные словари, созданные с учетом достижений лексикографии на уровне своего периода и степени исследованности языка, могут служить базой для последующих еще более плодотворных лексикографических изысканий.

В отличие от лексических тематических словарей, замыслом нашего проекта является построение фразеологического «Словаря-тезауруса современного татарского языка». Объект лексикографирования – фразеологические единицы (ФЕ) современного татарского литературного языка. В работе понятия «идиомы» и «фразеологические единицы» рассматриваются как синонимичные, соответственно, взаимозаменяемые, и за основу взято их определение, данное А.В. Куниным: «Фразеологические единицы, или идиомы, – это раздельнооформленные единицы языка с полностью или частично пересмысленными значениями» [14. С. 7].

У истоков разработки теории фразеологической идеографии в отечественной лингвистике стоят А.М. Эмирова [15], В.М. Мокиенко [16], Р.И. Яранцев [17], А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский [18],

Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов [19]. Практическое воплощение «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» получил в 2007 г., авторами словника являются А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский [20]. Здесь следует подчеркнуть, что Словарь-тезаурус является первым и самым полным собранием идиоматических выражений современного русского языка в отечественной и зарубежной лексикографии. Этот труд представляет значительную веху в истории лексикографии и фразеологической идеографии, в частности.

Нужно отметить, что интерес к лексикографии, организованной по понятийным рубрикам во фразеологии татарского языка, пробудился гораздо раньше. Первые шаги к созданию фразеологического словаря татарского языка были предприняты еще в 50-е гг. прошлого столетия. Словарь «Фразеология, пословицы и поговорки татарского языка» вышел в свет в 1957 г. [21]. Он состоит из 6 000 единиц и включает более 60 семантических полей, таких как «богатство–бедность», «дружба–вражда», «щедрость–жадность» и т.д. Трехтомный словарь пословиц татарского языка «Татарские народные пословицы» Н. Исанбета (1957–1969) насчитывает около 8 000 единиц и также построен по тематико-идеографическому принципу [22]. В 1991 г. был издан «Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь» Л.К. Байрамовой [23]. Его достоинством является то, что это первый двуязычный фразеологический тематический словарь, организованный по темам (14 разделов и 95 тем). В целом следует признать, что выход в свет указанных словарей явился значительным вкладом в лексикографию татарского языка, их новизна бесспорна.

В последующий двадцатилетний период фразеологические идеографические словари татарского языка не издавались, но шла подготовительная работа по сбору фактического материала. Вдохновляющим толчком к началу работы в этом направлении послужил выход в свет «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [20], который на сегодняшний день является единственным в отечественной и мировой лексикографии словарем, претендующим на полный охват идиоматики русского языка за последние 60 лет [20. С. 3].

Так, в 2010 г. вышел в свет «Идеографический фразеологический словарь (на материале татарского, русского и английского языков)» под редакцией автора настоящего исследования [24]. Это самое полное в отечественной лексикографии собрание фразеологических вы-

ражений татарского, русского и английского языков, распределенных по смысловым категориям (таксонам). Словарь насчитывает около 3 000 ФЕ в каждом из представленных в источнике языков и включает 80 семантических полей.

С 2013 г. на кафедре европейских языков и культур Казанского федерального университета ведется работа над «Словарем-тезаурусом идиом современного татарского языка», речь о котором пойдет в настоящей статье.

Татарский язык и его текущий статус

Прежде чем перейти непосредственно к предмету исследования – представлению семантики идиом в идеографическом словаре следует сказать несколько слов о татарском языке и его сегодняшнем статусе. Татарский язык относится к тюркской ветви алтайской языковой семьи; в мире проживает около 7 млн татар, из них 4.71 млн человек – в России. Татары – коренное население Российской Федерации, второй основной по численности этнос и самый многочисленный народ в РФ после русских (по данным Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.). Около одного миллиона татар живет в Москве, татары проживают также на Урале, в Сибири и Средней Азии, значительные диаспоры представлены в США, Австралии, Финляндии, Канаде. Вследствие географической рассредоточенности, а также ряда политических и социальных факторов татарский язык подвержен серьезным трансформациям, и есть все более убедительные доказательства того, что существует угроза его исчезновения и в недалеком будущем язык не сможет быть благополучно передан последующим поколениям и бесследно растворится. Родной язык каждого народа – это его самая главная ценность, богатство, которое надо сохранить и передать последующим поколениям. Подробно о сохранении татарского языка, об исчезновении образных средств языка см. статью автора [25].

Концепция Словаря-тезауруса идиом татарского языка

В качестве теоретической базы построения Тезауруса используются труды, выполненные в рамках когнитивной лингвистики [26–31] и, прежде всего, системной организации структурирования семантических полей [1; 18–20]. Для составления словаря применялись как спе-

циальные лингвистические методы (семантический анализ), так и общенаучные методы, такие как описание, классификация, анализ, синтез и индукция. В основе построения словника лежит индуктивный подход – не от понятийной схемы к идиомам, как в случае с лексическими тезаурусами, а от идиом к семантическим полям. Для идеографической классификации лексических единиц дедуктивный подход – от понятийной схемы – вполне оправдан, так как лексика, в отличие от фразеологии, полностью покрывает понятийное пространство языка. Как отмечают А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, «...многие априорно постулируемые семантические поля могут вообще отсутствовать во фразеологии. Тем самым, исходя из чисто логической схемы, невозможно предсказать в ней существование тех или иных полей» [20. С. 1112].

Словарь описывает единицы, которые представляют собой центральную часть фразеологической системы татарского языка – идиомы. Основной структурной единицей Тезауруса является семантическое поле, или таксон, представляющий собой группу идиом, объединенных семантическим сходством. Например, в таксон ЭМОЦИИ в словнике включаются идиомы, выражающие разные эмоциональные состояния:

түбәсе күккә тигән ‘макушкой коснулся неба’ в знач.: ‘сверх меры рад’; жиденче кат күккә ашу ‘быть на седьмом небе’ в знач.: ‘быть безгранично счастливым’;

(2) чәчләре үрә тору ‘волосы встали дыбом’; кот очу ‘душа улете-ла’; жан бугазга килү ‘душа подступила к горлу’, все ФЕ в знач.: ‘сильно испугаться’;

(3) балтасы суга төшкән (кеше) кебек ‘будто топор в воду уронил’ в знач.: ‘морально подавленный, упавший духом’; борын салындыру ‘повесить нос’, в знач.: ‘приходить в уныние, отчаяние’; әвене янган мыни ‘будто у него овин сгорел’ в знач.: ‘быть в мрачном, унылом состоянии’.

Крупные таксоны, как правило, подразделяются на подтаксоны, которые могут дробиться и дальше до нескольких уровней. В частности, каждая из представленных выше идиом входит в разные подтаксоны семантического поля ЭМОЦИИ. Идиомы (1) входят в подтаксон РАДОСТЬ, УДОВОЛЬСТВИЕ, СЧАСТЬЕ¹, идиомы (2) относятся к

¹ Названия таксонов и подтаксонов заимствованы из «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» [20].

подтаксону СТРАХ, ИСПУГ, УЖАС, а в подтаксон ГОРЕ, ОТЧАЯНИЕ, СТРАДАНИЕ входят идиомы (3).

Тезаурус отличается от тематических словарей татарского языка [21–23] ориентацией на современный аутентичный языковой материал, а не на примеры из лексикографических источников. Иллюстративный материал для Тезауруса собран из двух корпусов: «Письменного корпуса татарского языка», насчитывающего более 620 млн слов [32], и корпуса «Туган тел» (в переводе – «родной язык») [33], включающего 260 млн словоупотреблений. Кроме того, была использована поисковая система Sketch Engine, ее подкорпус татарского языка [34].

Классификация идиом и её корпусная верификация

Работа над Тезаурусом состояла из нескольких этапов. Сначала создавалась база данных словаря, и на предварительной стадии (2013) эмпирический материал составлял 2 900 идиом татарского языка. Во время первого этапа сбора материала единицы были отобраны методом сплошной выборки из одноязычных и двуязычных лексикографических источников татарского языка [21–23; 35–36].

Единицы словаря формируются в ходе исследования, а не задаются *apriori*. Следуя стратегии Д.О. Добровольского [37. Р. 264], на первом этапе систематизации материала к значению каждой идиомы приписывается маркер (дескриптор). Важным свойством фразеологических единиц является семантический синкретизм, т.е. способность совмещения нескольких значений в одной форме. Ср. примеры (4) и (5):

(4) Хөрмәтле геройлар, без план тулсын дип, салкында, яңгырда көн дими, төн дими, фидакарь **бил бөгеп**, тир түгеп, йөкләмәләрне үтәп йөргәндә, кайберәүләр жылы өйдә чэй эчеп утырдылар... – *Уважаемые герои, мы, для выполнения плана, и в холод, и в снег и в дождь, днем и ночью самоотверженно гнем спину; однако, в то время как мы делаем все для выполнения наших обязательств, некоторые сидят у себя дома в тепле, распивая чай...* (перевод наш. – Г.Г.).

(5) Меңбаш, белеп торсаң иде, мин беркайчан да *жаһилләр*гә баш биреп, **бил бөгеп** яшәмәдем. – *Если хочешь знать, Минбаш, я никогда не подчинялся невеждам и не унижался перед ними* (перевод наш. – Г.Г.).

Судя по контекстам, ФЕ *бил бегү* – ‘гнуть спину’ имеет значение не только ‘нести непосильный труд’, но также означает и ‘выражать

покорность, раболепствовать, заискивать, унижаться'. Каждому из значений идиомы был приписан семантический дескриптор, который отражает наиболее существенные элементы плана содержания этой идиомы. В частности, идиома *бил бегу* имеет два дескриптора: 'тяжелый труд' и 'покорность, унижение'.

На втором этапе идиомы группировались согласно их значению по таксонам или семантическим полям. Идиома *бил бегу* была распределена в два семантических поля (таксона) Тезауруса – ТРУД и ПОКОРНОСТЬ, УНИЖЕНИЕ.

Третий этап построения словаря включает работу, связанную с проверкой правильности концептуальной маркировки идиом. Этот этап является важнейшим в перегруппировке существующего массива эмпирического материала исследования.

Заключительным этапом работы является поиск аутентичного материала в корпусах татарского языка. Целью этого этапа является верификация использования идиом в современном дискурсе. В ряде случаев информация в словарях отличалась от реальных контекстных условий использования той или иной единицы в аутентичных текстах, представленных в корпусах. В результате выявления этих различий (в частности, квазисинонимии или полисемии идиом, не представленных во многих словарях татарских идиом), вносились изменения, связанные с включением идиом в другие таксоны и подтаксоны словаря.

Например, согласно информации во фразеологических словарях татарского языка, ФЕ *авызны чөйгә элү* 'повесить рот на вешалку' имеет значение 'голодать' (ср. *положить зубы на полку*). Поэтому эта ФЕ была определена в таксон ЕДА, ПИЩА, который дробится на более мелкие подтаксоны, одним из которых является – НЕДОСТАТОК ЕДЫ, ГОЛОД. От этого подтаксона идут парадигматические отсылки (→) к семантическим полям БЕДНОСТЬ и ТРУДНОСТИ.

Далее, поиск в «Письменном корпусе татарского языка» выдал еще одно вхождение ФЕ в значении 'обижаться'. В этом случае ФЕ была определена в таксон ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ, в его подтаксон ОБИДА, который имеет отсылку к подтаксону этого же поля (→) ПЛАЧ. См. контексты (6) и (7) из корпуса.

(6) *Заманында бәрәңге кәлҗемәсе ашадык, алабута белән арыш онын катнаштырып икмәк пешердек, кычыткан, балтырган ашлары белән тукландык, чәй урынына яфрак, кишер суы эчтек, авызны*

чөйгә элгән чаклар да күп булды. – В свое время мы ели котлеты из картофеля, пекли хлеб из ржаной муки, смешанной с лебедой, вместо чая пили напиток из листьев, из моркови, порой просто **голодали** (перевод наш. – Г.Г.).

(7) *Егеткә сүз әйтеп булмый, әйттеңме* **авызын чөйгә элп күя**. – Парню слова не скажи, стоит сказать – сразу **обижается** (перевод наш. – Г.Г.).

В итоге, ФЕ *авызын чөйгә элү* попадает в два семантических поля Тезауруса: 1) НЕДОСТАТОК ЕДЫ, ГОЛОД → ТРУДНОСТИ... → БЕДНОСТЬ и 2) ОБИДА → ПЛАЧ.

В результате классификации материала было выделено 86 семантических полей. Наиболее продуктивными в татарской фразеологии являются семантические поля ЭМОЦИИ, МЫШЛЕНИЕ, РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, ПРОБЛЕМЫ – ОТСУТСТВИЕ ПРОБЛЕМ.

На данном этапе работы Словарь-тезаурус насчитывает около 6 000 ФЕ и более 22 000 контекстов их употребления.

Тезаурус идиом татарского языка как семантическая сеть

При формировании семантической сети словника авторы следуют главным принципам, лежащим в основе организации «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» [20]. Базовой единицей словника является таксон, который состоит из семантического или концептуального маркера (дескриптора) и группы лингвистических знаков (слов и/или идиом), отражающих суть соответствующего концепта. К тому же Тезаурус включает систему дополнительных средств, указывающих на взаимосвязь концептов [37. Р. 264].

В табл. 1 на примере семантического поля ИСТИННОЕ – ЛОЖНОЕ рассмотрим внутренние связи и взаимодействие концептов внутри таксона.

Как видно из табл. 1, крупные таксоны делятся на подтаксоны, например, таксон ИСТИННОЕ–ЛОЖНОЕ имеет один подтаксон ИСТИНА, ПРАВДА – ЛОЖЬ, ОБМАН (1). Последний имеет три подтаксона: ИСТИНА, ПРАВДА (1.1), ЛОЖЬ, ОБМАН (1.2) и ЧЕСТНОСТЬ – НЕЧЕСТНОСТЬ (1.3). Таксоны 1.2 и 1.3 также подразделяются на более мелкие подтаксоны. В некоторых случаях глубина такого деления в Тезаурусе может достигать до пяти-шести уровней. Парадигматические отсылки указывают на «зоны сгущения значений» (таксоны или подтак-

соны словника), которые семантически близки друг к другу [2]. Например, идиомы таксона ПРИТВОРСТВО семантически связаны с идеей НЕЧЕСТНОСТЬ / НЕИСКРЕННОСТЬ / ЛИЦЕМЕРИЕ и поэтому от таксона ПРИТВОРСТВО идет отсылка → к таксонам НЕЧЕСТНОСТЬ / НЕИСКРЕННОСТЬ / ЛИЦЕМЕРИЕ.

Таблица 1

Фрагмент Тезауруса: «ИСТИННОЕ–ЛОЖНОЕ»

ИСТИННОЕ– ЛОЖНОЕ 1. ИСТИНА, ПРАВДА – ЛОЖЬ, ОБМАН 1.1. ИСТИНА, ПРАВДА <i>битлеген салдыру</i> ‘снять маску’; <i>дореслек-кэ туры карау</i> ‘смотреть правде в глаза’ 1.2. ЛОЖЬ, ОБМАН → ЛОЖНЫЙ СТАТУС → ПРЕДАТЕЛЬСТВО 1.2.1. УЧАСТНИКИ, ИНСТРУМЕНТЫ СИТУАЦИИ ЛЖИ, ОБМАНА <i>күз буяучы</i> ‘замазывающий глаза’, в знач.: ‘очковтиратель’; <i>кэкре куллы</i> ‘криворукий’ в знач.: «вор». 1.2.2. НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ОБМАН → ВОРОВСТВО, КРАЖА <i>агач атка атландыру</i> ‘посадить на деревянную лошадь’, в знач.: ‘обвести вокруг пальца’; <i>кэкре каенга терэту</i> ‘прислонить к кривой березе, в знач.: ‘обвести вокруг пальца’; <i>куык очыру</i> ‘пускать пузыри’, в знач.: ‘обманывать; создавать о себе ложное впечатление; водит за нос’ 1.2.2.1. ПРИТВОРСТВО → НЕЧЕСТНОСТЬ / НЕИСКРЕННОСТЬ/ ЛИЦЕМЕРИЕ <i>башны тилегэ салу</i> ‘притворяться дурачком’ 1.2.3. ЛОЖЬ, ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБМАН, ВВЕДЕНИЕ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ → ХВАСТОВСТВО <i>борчак сибу</i> ‘сыпать горох’, в знач.: ‘обманывать’, ср.: ‘врать как сивый мерин’;	<i>куык очыру</i> ‘пускать пузыри’, в знач.: ‘обманывать; создавать о себе ложное впечатление’; <i>сабын күбеге очыру</i> ‘пускать мыльные пузыри’ в знач.: ‘создавать о себе ложное впечатление’, ср.: ‘пускать пыль в глаза’ 1.2.4. САМООБМАН, ИЛЛЮЗИИ <i>хыялга бату</i> ‘утонуть в грезах’ в знач.: ‘предаваться бесплодным фантазиям’ ср.: ‘витать в облаках’ 1.3. ЧЕСТНОСТЬ – НЕЧЕСТНОСТЬ 1.3.1. ЧЕСТНОСТЬ, ОТКРОВЕННОСТЬ, ИСКРЕННОСТЬ → КЛЯТВА <i>турыдан туры айту</i> ‘сказать напрямую’, в знач.: ‘сказать правду’; <i>исеме белэн атау</i> ‘назвать по имени’, в знач.: ‘называть вещи своими именами’. 1.3.2. НЕЧЕСТНОСТЬ, ЛИЦЕМЕРИЕ → ХИТРОСТЬ... → ПРИТВОРСТВО → БЕЗНРАВСТВЕННОСТЬ <i>койрык болгау</i> ‘вилять хвостом’, в знач.: ‘увиливать, прибегая к хитрости и уловкам’; <i>ике яклы пычак</i> ‘обоюдоострый нож’, в знач.: ‘и нашим, и вашим’
--	--

В табл. 1 в целях экономии места представлено только по несколько ФЕ семантического поля ИСТИННОЕ – ЛОЖНОЕ. В целом в нашем материале на данный момент имеется 366 ФЕ данного поля. Следует также подчеркнуть, что каждая ФЕ в Тезаурусе вводится несколькими аутентичными контекстами из корпусов татарского языка. В табл. 2 представлен фрагмент таксона ИСТИННОЕ–ЛОЖНОЕ, в котором идиома *куык очыру* иллюстрируется примерами из корпуса. В данной таблице приведен пример использования лишь одной ФЕ, так как формат статьи не дает нам возможность представить большее количество контекстов из корпуса. Как видно, в табл. 1 выделяются подтаксоны НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ОБМАН (1.2.2) и ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБМАН (1.2.3). Идиома *куык очыру* ‘пускать пузыри’, в знач.: ‘обманывать; создавать о себе ложное впечатление’ имеет как вербальный, так и невербальный характер употребления, поэтому она включена в оба подтаксона.

В табл. 2 представлен образец словарной статьи Словаря-тезауруса без перевода на русский язык. Перевод дан ниже и выведен за пределы табл. 2. Лемма набирается полужирным шрифтом, за леммой идут примеры из корпусов, которые вводятся знаком . Знак • отделяет примеры друг от друга. Каждый пример имеет указание на источник: ПКТЯ – «Письменный корпус татарского языка» или НКТЯ – «Национальный корпус татарского языка».

Таблица 2

Словарная статья идиомы *куык очыру*

1.2.2. НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ОБМАН → ВОРОВСТВО, КРАЖА Куык очыру Син, Идмас, куык очырма эле. Энис масаючан кешелэрне яратмый иде (НКТЯ) • Э Мөгаллимэ яшел күлмэк аулак өйлэргә йөри, килешлентеп сугышка эле китеп бетмәгән егетлэрне үзенә карата, кәпрәя, <i>куык очыра</i> (ПКТЯ) • Ул Гиндстанда укып кайткан, соңын Хвалыньск шәһәрндәге татарлар өчен – хиндистан мәдрәсәләре тибында мәдрәсәләр салдырам, дип <i>куык очырып</i> йөргән, шул максат белән кешедән байтак кы-	1.2.3. ЛОЖЬ, ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБМАН, ВВЕДЕНИЕ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ Куык очыру Миңлегата <i>куык очыра</i>. Эй мактана, эй мактана: ‘Курыкмыйм, - ди Миңлегата, - бернидән дә, куркмыйм, - ди, - аюдан да, бүредән дә...’ (ПКТЯ) • Яушев мәжлесләрдә мактаньрга ярата, ә Муса әче телле, теге <i>куык очыра</i> башлагач, бер ничә сүз белән авызын каплар (НКТЯ) • Нәби кайчакта үзе дә ялганына ышанып куя. Бөрвакыт ни сөйләсә дә ышанмый башладылар аңа. ‘Һи, <i>куык очыра</i> башлады инде’, диләр
---	---

на акча жыеп алган һәм, шул акчаны кесәсенә салып, беркем алдындада хисап бирмичә, кыяклаган аферист... (ПКТЯ)	малайлар. Шуннан соң Нәби иптәшләре алдында күп сөйләмәс булды (ПКТЯ)
--	---

Ниже, в контекстах (8–13) приводится перевод высказываний с идиомой *куык очыру* согласно порядку их употребления в табл. 2.

1.2.2. НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ОБМАН → ВОРОВСТВО, КРАЖА

(8) *‘Тебе, Идмас, нечего тут **пускать** нам **пыль в глаза**’ – Анис не любил хвастливых людей и наконец-то высказал все Идмасу в лицо (перевод наш. – Г.Г.).*

(9) *А Магlima как наденет свое зеленое платье, так и ходит по укромным вечеринкам, ладненько танцует, чтобы на нее заглядывались ребята, еще не ушедшие на фронт, умеет выставлять себя и **водить их за нос** (перевод наш. – Г.Г.).*

(10) *Он учился в Индии, затем вернулся домой, поселился в Хвалынске; там он убедил местных татар, что будет строить для них мусульманские школы, как в Индии. В принципе он **водил их за нос**, собрал с людей крупную сумму денег, забил деньгами карманы и был таков... исчез бесследно, ни перед кем не отчитавшись (перевод наш. – Г.Г.).*

1.2.3. ЛОЖЬ, ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБМАН, ВВЕДЕНИЕ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ

(11) *Минлегата **пускает пыль в глаза**, как хвастается, ой как хвастается. ‘Не боюсь, – говорит Минлегата, – ничего не боюсь – ни медведя, ни волка...’ (перевод наш. – Г.Г.).*

(12) *Яушев любит хвастаться на всяких мероприятиях, застольях. А Муса очень злой на язык, когда тот начинает **пускать пыль в глаза**, он буквально несколькими словами умеет заставить хвастуна замолчать (перевод наш. – Г.Г.).*

(13) *Наби порой даже сам начинал верить своим выдумкам. В конце концов, наступил такой момент, когда люди перестали ему верить, что бы он ни сказал. ‘Фу, – говорили ребята, – опять начал **мозги пудрить**’. В конце концов Наби решил больше при друзьях много не говорить (перевод наш. – Г.Г.).*

Как видно из приведенных контекстов (8–10), значение идиомы *куык очыру* носит невербальный характер. В контексте (8) Идмас, судя по всему, постоянно пытается оказать психологическое воздействие на окружающих, создавая ложное впечатление о себе, представляя свое

положение, способности, возможности выше, чем они есть на самом деле. Пример (9) наглядно демонстрирует манипулятивное воздействие Маглиммы, героини повествования, на остальных его участников. В приведенном контексте идиома *куык очыру* выражает лживое поведение Маглиммы, которая пытается выставить себя в выгодном свете, поднять свой имидж с целью соблазнения молодых мужчин. В контексте (10) также очевидно манипулятивное воздействие основного участника повествования на большое количество людей. В данном примере весьма наглядно представлено использование манипулятором религиозных чувств людей. Он создает ложные иллюзии у населения для управления их поведением. В данном контексте идиома *куык очыру* вполне соответствует русской идиоме *водить за нос*.

Основные семантические связи, представленные в Словаре-тезаурусе: антонимические, родовидовые и отношения включения [2. С. 393].

Рассмотрим способы их отражения в структуре словника.

1. Антонимичные отношения представлены в названиях таксонов: РАДОСТЬ – ПЕЧАЛЬ, СВОБОДА – ОТСУТСТВИЕ СВОБОДЫ, ДРУЖБА – ВРАЖДА. В каждом из таксонов выделяются подтаксоны, содержащие соответствующие антонимичные семы. Например, таксон РАДОСТЬ – ПЕЧАЛЬ имеет три подтаксона: 1) РАДОСТЬ, УДОВОЛЬСТВИЕ, СЧАСТЬЕ, 2) СМЕХ – СЛЕЗЫ и 3) ПЕЧАЛЬ, СОЖАЛЕНИЕ, УНЫНИЕ. Каждый из приведенных подтаксонов имеет свои более мелкие подтаксоны и т.д.

2. Родовидовые отношения отличаются тем, что таксон выступает в родовой функции по отношению к другим таксонам, обозначающим виды, выделяемые в рамках этого рода. Как видно из табл. 1, от подтаксона 1.2.2. НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ОБМАН делается отсылка (→) к таксонам словника ВОРОВСТВО, КРАЖА, являющимися видами НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБМАНА.

3. Отношения включения характеризуют ситуацию, «когда идиомы таксона *X* содержат сему *a*, как и идиомы таксонов *Y*, ..., *Z*. Но при этом значение идиом, входящих в таксоны *Y*, ..., *Z*, оказывается более специфированным, чем значение идиом таксона *X*, но не наоборот» [2. С. 393]. Например, в словнике в таксоне УСПЕХ делается отсылка к таксонам ОТСУТСТВИЕ ПРОБЛЕМ и ПРЕВОСХОДСТВО, но не наоборот, так как идеи «удача в достижении чего-либо» и «общественное признание» содержатся во всех идиомах таксонов ОТСУТСТВИЕ ПРОБЛЕМ и ПРЕВОСХОДСТВО.

Заключение

Проект «Словаря-тезауруса идиом современного татарского языка» является важной вехой и шагом вперед в татарской лексикографической практике. Он представляет новый подход к исследованию фразеологии – тезаурусный принцип структурирования семантических полей идиом татарского языка. Собранный эмпирический материал позволил нам составить представление о фразеологической системе современного татарского языка, структуре семантических полей и внутренних связях между ними.

На данном этапе работы Словарь-тезаурус насчитывает около 6 000 ФЕ и более 22 000 контекстов их употребления. В результате классификации материала было выделено 86 семантических полей, самыми продуктивными в татарской фразеологии являются семантические поля ЭМОЦИИ, МЫШЛЕНИЕ, РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, ПРОБЛЕМЫ – ОТСУТСТВИЕ ПРОБЛЕМ.

Словник Тезауруса является оригинальным: в его основе лежит База данных по современной идиоматике татарского литературного языка. Корпусный анализ идиом татарского языка позволил уточнить традиционные представления о семантике идиом, выявить их трансформации и модификации. Так, для ряда идиом татарского языка, которые представлены в словарях как моносемичные, выявлены дополнительные значения.

Новизна словаря заключается также в том, что в нём представлены разные типы семантических отношений: антонимические (отражены в названиях таксонов), а также родовидовые (отражены в системе парадигматических отсылок).

Список источников

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Семантические отношения во фразеологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегодной Международной конференции «Диалог-2011». № 10 (17). М. : РГТУ, 2011. С. 51–60.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008. 656 с.
3. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М. : Наука, 1981. 366 с.
4. Roget P.M. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. London : Penguin, 1998. 1440 p.
5. Boissière P. Dictionnaire analogique de la langue française. Paris : Edité par Larousse et Boyer, 1862. 1456 p.

6. Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 5. Aufl. Berlin : de Gruyter, 1959. 964 p.
7. Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona : Gredos, 1959. 1456 p.
8. Караулов Ю.Н. Минимальный идеографический словарь // Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 354 с.
9. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. М. : Изд-во ЭТС. 1995. 814 с.
10. А.Н. Тихонов. Русско-узбекский тематический словарь. Ташкент : Ўқитувчи, 1975. 519 с.
11. Русско-азербайджанский тематический словарь. М. : T&P Books Publishing, 2019. 256 с.
12. Русско-турецкий тематический словарь. М. : T&P Books Publishing, 2019. 258 с.
13. Тарабукина М.В. Русско-якутский тематический словарь. Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. 415 с.
14. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. Дубна : Феникс+. 2005. 488 с.
15. Эмирова А.М. К теоретическим основам фразеологической идеографии // Вопросы фразеологии. 1979. № 14. С. 50–61.
16. Мокиенко В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение / под ред. Е.М. Верещагина. М. : Русский язык, 1982. С. 108–121.
17. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М. : Русский язык, 1985. 304 с.
18. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. К проблеме построения тезауруса русских идиом // ИАН СЛЯ. 1992. Т. 51, № 5. С. 60–67.
19. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 5–15.
20. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М. : Мир энциклопедий Аванта+. 2007. 1135 с.
21. Заляй Л.З. Фразеология, пословицы и поговорки татарского языка. Казань : Татар. кн. изд-во, 1957. 244 с.
22. Исанбет И. Татарские народные пословицы : в 3 т. Казань : Татар. кн. изд-во. Т. 1. 1959. 916 с.; Т. 2. 1963. 960 с.; Т. 3. 1967. 1014 с.
23. Байрамова Л.К. Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь. Казань : Таткнигоиздат, 1991. 158 с.
24. Гизатова Г.К. Гаяжиева Л.Ш., Люстиг З.А. Идеографический фразеологический словарь (на материале русского, татарского и английского языков). Казань : Изд-во Казанского ун-та. 2010. 420 с.
25. Gizatova G. A nation without a language is a nation without heart // Language Endangerment. Disappearing metaphors and shifting conceptualizations. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing House, 2015. P. 176–199.
26. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 3. С. 6–17.

27. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 356 p.
28. Geeraerts D., Cuypkens H. (eds.). The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford : Oxford University Press, 2010. 1368 p.
29. Lakoff G. Ten Lectures on Cognitive Linguistics. Leiden; Boston: Brill, 2017. 226 p.
30. Wierzbicka A. Back to definitions: Cognition, semantics, and lexicography // *Lexicographica*. 1992. №. 8. P. 10–25.
31. Татарско-русский словарь : в 2 т. Казань : Магариф, 2007.
32. Письменный корпус татарского языка (ПКТЯ). URL: <https://www.corpus.tatar>
33. Национальный корпус татарского языка «Туган тел» (НКТЯ). URL: <https://tugantel.tatar>
34. Sketch Engine Tatar Corpus. URL: <https://www.sketchengine.eu/tatar-corpus-from-the-web/>
35. Сафиуллина Ф.С. Татарско-русский фразеологический словарь. Казань : Магариф, 2001. 335 с.
36. Исанбет Н. Фразеологический словарь татарского языка : в 2 т. Казань : Татар. кн. изд-во. Т. 1. 1989. 495 с.; Т. 2. 1990. 365 с.
37. Dobrovolskiy D. Idioms in a Semantic Network: Towards a New Dictionary-Type // *Proceedings of the 6th EURALEX International Congress, Amsterdam*. 1994. P. 263–270.

References

1. Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (2011) [Semantic relations in phraseology]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. *Proceedings of the International Conference. Dialog [Dialogue]*. Vol. 10 (17). Moscow. 25–29 May 2011. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 51–60. (In Russian).
2. Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (2008) *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the Theory of Phraseology]. Moscow: Znak.
3. Karaulov, Yu.N. (1981) *Lingvisticheskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic Construction and Thesaurus of the Literary Language]. Moscow: Nauka.
4. Roget, P.M. (1998) *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases*. London: Penguin.
5. Boissière, P. (1862) *Dictionnaire analogique de la lunge française*. Paris: Edité par Larousse et Boyer.
6. Dornseiff, F. (1959) *Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen*. 5th ed. Berlin: de Gruyter.
7. Casares, J. (1959) *Diccionario ideológico de la lengua española*. Barcelona: Gredos.
8. Karaulov, Yu.N. (1976) *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian Ideography]. Moscow: Nauka.
9. Baranov, O.S. (1995) *Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Ideographic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Izd-vo ETS.
10. Tikhonov, A.N. (1975) *Russko-uzbekskiy tematicheskii slovar'* [Russian-Uzbek Thematic Dictionary]. Tashkent: Ўқитувчи.

11. Taranov, A. (2019) *Russko-azerbaydzhanskiy tematicheskiy slovar'* [Russian-Azerbaijani Thematic Dictionary]. Moscow: T&P Books Publishing.
12. Taranov, A. (2019) *Russko-turetskiy tematicheskiy slovar'* [Russian-Turkish Thematic Dictionary]. Moscow: T&P Books Publishing.
13. Tarabukina, M.V. (2012) *Russko-yakutskiy tematicheskiy slovar'* [Russian-Yakut Thematic Dictionary]. Yakutsk: M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.
14. Kunin, A.V. (2005) *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [Course of Phraseology of the Modern English Language]. Dubna: Feniks+.
15. Emirova, A.M. (1979) K teoreticheskim osnovam frazeologicheskoy ideografii [On the theoretical foundations of phraseological ideography]. *Voprosy frazeologii*. 14. pp. 50–61.
16. Mokienko, V.M. (1982) O tematiko-ideograficheskoi klassifikatsii frazeologizmov [On the thematic-ideographic classification of phraseological units]. In: Vereshchagin, E.M. (ed.) *Slovary i lingvostranovedenie* [Dictionaries and Linguacultural Studies]. Moscow: Russkiy yazyk. pp. 108–121.
17. Yarantsev, R.I. (1985) *Slovar'-spravochnik po russkoy frazeologii* [Dictionary and Reference Book on Russian Phraseology]. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (1992) K probleme postroeniya tezaurusa russkikh idiom [On the problem of constructing a thesaurus of Russian idioms]. *IAN SLYa*. 5 (51). pp. 60–67.
19. Dobrovolskiy, D.O. & Karaulov, Yu.N. (1993) Idiomatika v tezauruse yazykovoy lichnosti [Idioms in the thesaurus of a linguistic personality]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2. pp. 5–15.
20. Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (eds) (2007) *Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki* [Dictionary-Thesaurus of Modern Russian Idioms]. Moscow: Mir entsiklopediy Avanta+.
21. Zalyay, L.Z. (1957) *Frazeologiya, poslovitsy i pogovorki tatarskogo yazyka* [Phraseology, Proverbs and Sayings of the Tatar Language]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
22. Isanbet, I. (1959–1967) *Tatarskie narodnye poslovitsy* [Tatar Folk Proverbs]. Vols 1–3. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
23. Bayramova, L.K. (1991) *Uchebnyy tematicheskiy russko-tatarskiy frazeologicheskiy slovar'* [Educational Thematic Russian-Tatar Phraseological Dictionary]. Kazan: Tatknigoizdat.
24. Gizatova, G.K. Galyavieva, L.Sh. & Lyustig, Z.A. (2010) *Ideograficheskiy frazeologicheskiy slovar' (na materiale russkogo, tatarskogo i angliyskogo yazykov)* [Ideographic Phraseological Dictionary (Based on the Russian, Tatar and English languages)]. Kazan: Kazan State University.
25. Gizatova, G. (2015) A nation without a language is a nation without heart. In: *Language Endangerment. Disappearing metaphors and shifting conceptualizations*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing House. pp. 176–199.
26. Kubryakova, E.S. (2004) Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 6–17.
27. Croft, W. & Cruse, D.A. (2004) *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.

28. Geeraerts, D. & Cuyckens, H. (eds) (2010) *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
29. Lakoff, G. (2017) *Ten Lectures on Cognitive Linguistics*. Leiden; Boston: Brill.
30. Wierzbicka, A. (1992) Back to definitions: Cognition, semantics, and lexicography. *Lexicographica*. 8. pp. 10–25.
31. Asylgaev, Sh.N. et al. (eds) (2007) *Tatarsko-russkiy slovar'* [Tatar-Russian Dictionary]. Kazan: Magarif.
32. *Pis'mennyy korpus tatarskogo yazyka (PKTYa)* [Written Corpus of the Tatar Language (PKTYa)]. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.corpus.tatar>.
33. *Natsional'nyy korpus tatarskogo yazyka "Tugan tel" (NKTYa)* [Tugan Tel. National Corpus of the Tatar language (NKTYa)]. (n.d.) [Online] Available from: <https://tugantel.tatar>
34. *Sketch Engine Tatar Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.sketchengine.eu/tatar-corpus-from-the-web/>
35. Safiullina, F.S. (2001) *Tatarsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Tatar-Russian Phraseological Dictionary]. Kazan: Magarif.
36. Isanbet, N. (1989–1990) *Frazeologicheskiy slovar' tatarskogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Tatar Language]. Vols 1–2. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
37. Dobrovol'skiy, D. (1994) Idioms in a Semantic Network: Towards a New Dictionary-Type. *Euralex 1994*. Proceedings of the 6th EURALEX International Congress. Amsterdam. 30 August – 3 September 1994. Amsterdam: [s.n.]. pp. 263–270.

Сведения об авторе:

Гизатова Гузель Казбековна – д-р филол. наук, профессор кафедры европейских языков и культур Казанского федерального университета (Казань, Россия). E-mail: guzelgizat52@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Guzel K. Gizatova, Dr. Sci (Philology), professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: guzelgizat52@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.10.2024;
одобрена после рецензирования 24.11.2024; принята к публикации 10.12.2024*

*The article was submitted 01.10.2024;
approved after reviewing 24.11.2024; accepted for publication 10.12.2024*

Научная статья
УДК 811.512.157
doi: 10.17223/22274200/34/2

Концепция словаря языка олонхо

Лия Витальевна Роббек¹

¹ *Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия,
robbek@mail.ru*

Аннотация. Описана концепция разрабатываемого в настоящее время словаря языка якутского героического эпоса олонхо. Рассматриваются обстоятельства, определяющие особенности строения данного труда. Отображены результаты лексикографической категоризации. Вокабулами представлены как лексемы, так и устойчивые словесные комплексы (фразеологизмы, эпические формулы, формульные конструкции, эпические периоды). Описаны макро- и микроструктура словаря. Отмечены специфические особенности строения свода, обусловленные характерными свойствами тюркских языков – агглютинативным строем якутского языка и законом сингармонизма.

Ключевые слова: лингвофольклористика, фольклорная лексикография, якутский эпос, словарь языка олонхо, концепция словаря

Для цитирования: Роббек Л.В. Концепция словаря языка олонхо // Вопросы лексикографии. 2024. № 34. С. 24–41. doi: 10.17223/22274200/34/2

Original article
doi: 10.17223/22274200/34/2

The Olonkho language dictionary concept

Liya V. Robbek¹

¹ *Institute for Humanitarian Research and Indigenous Studies of the North, Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation,
robbek@mail.ru*

Abstract. The article describes the concept of the dictionary of the language of the Yakut heroic epic Olonkho, recognized by UNESCO as a master-

piece of the oral and intangible cultural heritage of humanity. The aim of the study is to present the key characteristics of the code being developed, reflecting its typological differences. The distinctive qualities of the Olonkho language dictionary are mainly based on principles built taking into account the specific classification features of Turkic languages. When determining the settings of this dictionary, such a regularity of the Yakut language as the agglutinative structure, as well as the morphological and phonetic phenomenon – the law of synharmonism, were taken into account. In the provisions governing the function of the dictionary, the principle of consistency is substantial. This principle refers to the lexico-grammatical and syntactic levels of the language of the Yakut epic. In this regard, in the dictionary, the predominant number of vocabulary words will be represented by stable verbal complexes, which include phraseological figures of speech, compound words with the meaning of nomenclature, epic formulas and other figures of speech in the language of Olonkho. The type of the dictionary is defined as linguistic, explanatory, bilingual. Interpretations of the meanings of vocabulary in it will be given in the Russian and Yakut languages. As part of the study, the objectives of the lexicographic representation of the Olonkho language were established and formulated: (1) to find out the types of linguistic units introduced into the dictionary entry; (2) to determine the form of recording vocabulary in the dictionary; (3) to develop a methodology for constructing a dictionary definition that reveals the connotative meaning of words functioning in the Olonkho language. Some of the problems were solved by the author of the article in a number of published works. The study indicates the target audience of the dictionary. The Olonkho language dictionary is intended for readers interested in issues of the Yakut language and culture, as well as for philologists of various specialties. The research material was the Olonkho text *Nyurgun Bootur the Swift* (version by K.G. Orosin, 1947). This text is considered one of the classic versions of the existing Olonkho. It fully reflects the typical patterns characteristic of the language of the Yakut epic. The work used methods of systematization, classification analysis, linguostatistics, text experiment, typology, contextual analysis, and definition analysis. In general, the author sought to show that a dictionary built on the basis of the presented concept can not only provide explanations of the meanings of epic vocabulary and idiomatic expressions of Olonkho, but also reflect the fundamental laws of the poetic grammar of the language of the Yakut epic. In Turkic linguo-folklore studies, there are no works based on the principle of systematicity of the lexico-grammatical and syntactic levels of the epic language. In Russian folklore lexicography, due to the differences in the classification characteristics of the language systems of the Slavic and Turkic peoples, projects are implemented based on other principles. Thus, the presented work brings up for discussion an innovative proposal that is aimed at the development of lexicographic methods in linguo-folklore studies.

Keywords: linguo-folklore studies, folklore lexicography, Yakut epic, Olonkho language dictionary, dictionary concept

For citation: Robbek, L.V. (2024) The Olonkho language dictionary concept. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 34. pp. 24–41. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/34/2

Введение

На сегодняшний день якутская лексикография имеет значительные достижения. Якутскими лексикографами создана развитая система словарей различных типов. У истоков словарной работы стоит «Якутско-немецкий словарь» О.Н. Бётлингга (1851), а наиболее значимым достижением якутской лексикографии является 15-томный «Большой толковый словарь якутского языка» нормативно-регистрирующего типа [1; 2].

Якутский героический эпос олонхо в 2005 г. был признан ЮНЕСКО шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества. Проект словаря, представляющего язык олонхо, является инновационным и открывает новые перспективы в якутской лексикографии.

Фольклорная лексикография – одно из направлений молодой науки лингвофольклористики, статус которой определяется как экспериментальный раздел языкознания. В русистике известны три лингвофольклористических школы: курская (руководитель А.Т. Хроленко), петрозаводская (руководитель З.К. Тарланов) и воронежская (руководитель Е.Б. Артёменко). В рамках фольклорной лексикографии в русистике внимание исследователей сосредоточено на определении структуры и принципов словарей языка русского фольклора, а также организационных вопросах, возникающих в ходе их разработки [3–14]; см. также обзор в статье М.А. Бобуновой [15].

В тюркологии и монголоведении имеются различные исследования лингвофольклористического характера [16–19 и др.], однако работ, акцентирующих внимание на лексикографическом представлении языка тюркского фольклора, очень мало [20; 21]. Эти работы представляют собой лексикографическое описание эквивалентных отношений слов в калмыцком, башкирском и русском языках. В якутском языкознании по фольклорной лексикографии автором статьи в 2009 г. в Институте языкознания РАН была защищена кандидатская диссертация [22], в 2014 г. издана монография [23].

В настоящей статье описывается концепция словаря языка якутского героического эпоса олонхо (далее – СЯО). Определены цель,

задачи, тип разрабатываемого лексикографического труда, а также представлены основные особенности макро- и микроструктуры.

Цель, задачи и принципы составления словаря

По классической типологии разрабатываемый словарь относится к лингвистическим словарям. Вид лингвистического словаря – толковый. Предполагается, что СЯО будет двуязычным, толкования значений лексикографических единиц будут даны на якутском и русском языках.

Большинству современных носителей якутского языка значения слов из олонхо понятны. Однако понимание языка олонхо (далее – ЯО) происходит на денотативном уровне. Между тем в языковом поле якутского эпоса устно-поэтическое слово приобретает особую фольклорную коннотацию. Единицы языка дополняются суплементарным значением, актуальным в контексте устно-поэтического словотворчества. Лексикографическая интерпретация ЯО в первую очередь призвана устранить пробел непонимания «уровня, который предполагает знание фольклорной картины мира» [3. С. 291]. Подобное мероприятие особенно важно в нынешних условиях, когда уже нет «активной, благодатной эпической среды» [24. С. 203]. Во-вторых, одной из задач словаря является системное исследование ЯО лексикографическим методом. В этом случае словари становятся «инструментами (научного. – Л.Р.) анализа материала, способами исследования фольклорного слова» [3. С. 289]. Таким образом, процесс создания словаря закономерно связан с интегральным исследованием ЯО. Впоследствии на основе СЯО могут быть проведены различные лингвофольклористические исследования, ценность которых будет ощутима преимущественно в тюркологии. Отсюда цель словаря – дать толкование значений устно-поэтических слов и речевых оборотов с учётом системной структуризации ЯО.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- 1) определить виды заголовочных единиц в СЯО;
- 2) разработать словарные формы вокабул;
- 3) выработать методику построения словарной дефиниции, раскрывающей коннотативный элемент значения слова, функционирующего в ЯО.

Указанные вопросы в определённой мере нами решены в статьях [24; 25].

В основу концепции СЯО положены следующие принципы:

- 1) принцип системности. Этот принцип в основном относится к лексико-грамматическому и синтаксическому уровням ЯО;
- 2) дефиниция должна отражать семантическое своеобразие устно-поэтического слова (лексико-семантический уровень ЯО);
- 3) принцип полноты (при формировании словника).

СЯО адресуется прежде всего специалистам в области лингво-фольклористики, общего языкознания, фольклористики, литературоведения, культурологии, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами якутского языка и культуры.

Макроструктура словаря

При описании структуры словаря остановимся на ключевых позициях его строения. Наиболее отчётливо инновационные параметры СЯО отмечаются в двух пунктах, которые сформированы в силу специфических особенностей ЯО: 1. В словаре вокабулами представлены не только лексемы, но и устойчивые словесные комплексы (далее – УСК). 2. Выбран особый порядок представления УСК.

1. Представление УСК в левой части словаря обусловлено своеобразием ЯО и самобытностью стиля эпического повествования. Принципиальными особенностями ЯО являются его формульный характер, проявление свойственного якутскому языку закона сингармонизма, обильное использование такого художественно-изобразительного приёма, как ритмико-синтаксический параллелизм и немалое количество содержащихся в текстах олонхо эпических периодов (далее – ЭП). ЭП обладают необходимыми признаками словарной вокабулы, поэтому включаются в словник СЯО.

Рассмотрим пример из текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (вариант К.Г. Оросина, 1947) [27].

*Уолан баранар уулаах,
охтон баранар мастаах
орто борон туруу дьабыл дойду
дьоллоох киһитин-сүөһүтүн,
уйгу быйангын,
кэтит кэһитин,
үрдүк өрөгөйдөөх дьолун*

бу аллараа дойду
сүүрбэ сэттэ бишин ууһун
тойоно буолбут
Ардьанг Дуолай оҕонньор,
Адабалаах Ала Буурай эмээхсин икки
үс Ньүкэнг Үөдэн түгэбэр
дойдуланан дугуйданан олорон
диринг дойду дылбиттэринэн,
түгэх дойду түөкүттэринэн,
аллараа дойду албыннарарын,
абыс атахтаах адьарайдарынан атабастаннар,
соҕотох харахтаах собуруу уолун
соллоннообун соруйан таһаараннар
орто дойду дьолун тохтордулар,
төрүүр оҕо уйатын түннэрдилэр,
иитэр сүөһү күрүөтүн игнэрдилэр.

Этот самый средний серопятнистый мир,
с водами – испаряясь убывающими,
с деревьями – падая редееющими,
и счастливых жителей, и скот его,
огромные, несметные богатства его,
широкое, вольготное довольство его,
высоко торжествующее счастье его
разрушает вот этот, – ставший владыкой
нижнего мира двадцати семи племён, –
старец Ардьанг Дуолай оҕонёр
со старухой своей Ала Буурай, кто
с деревянной колодкой на ногах.
Это они, проживая на самом днище
трёх преисподних стран Ньүкэнг Юёдэн,
нарочито исторгая оттуда
волшебников глубокой страны,
злodeев донной обители,
обманщиков нижнего мира,
племена восьминогих адьарасев,
кровожадных одноглазых чудовищ,
пролили счастье среднего мира,
опрокинули колыбели рождающихся детей,
разрушили изгороди разводимого скота [27. С. 66–69].

С точки зрения структурного синтаксиса приведённый пример определяется как прозаическая строфа, иными словами, сверхфразовое единство или сложное синтаксическое целое. В составе конструкции наблюдается прогрессивная ассимиляция гласных и согласных по фонологическому признаку, ввиду этого фрагмент поэтического текста практически насквозь скреплён строфической (вертикальной) и стиховой (линейной) аллитерационно-ассонансной звуковой гармонией. Истоки зарождения ритмико-синтаксического параллелизма в тюркском эпосе В.М. Жирмунский усматривал в повторе: «Простое повторение строк (с варьированием отдельных слов) представляется древнейшей формой ритмической организации стиха» [28. С. 23]. Однако вопрос об истинных механизмах зарождения и функционирования сингармонизма и параллелизма в тюркском эпосе в его работе остался открытым: «Дальнейшего изучения требует вопрос о причинах широкого распространения аллитерации в тюркском народном стихе. <...> Было высказано мнение, что тюркская аллитерация могла бы восходить к тому доисторическому периоду, когда и в тюркском, как и в родственном монгольском, существовало начальное ударение. Однако этими “пратюркскими” отношениями невозможно объяснить функционирование аллитерации в древнем и современном тюркском народном стихе» [28. С. 23–24].

В составе приведённой конструкции содержатся как собственно эпическая формула – *уолан баранар уулаах, охтон баранар мастаах орто боронг туруу дьабыл дойду* букв. ‘этот самый средний серопятнистый мир, с водами – испаряясь убывающими, с деревьями – падая редееющими’, так и конструкции формульного характера – *уйгу быйангын, кэтит кэһиштин, үрдүк өрөгөйдөөх дьолун* букв. ‘счастливых жителей, и скот его, огромные, несметные богатства его, широкое, вольготное довольство его’, *диринг дойду дьилбиттэринэн, түгэх дойду түөкүттэринэн, алараа дойду албыннарынан, абыс атахтаах адьарайдарынан* букв. ‘волшебниками глубокой страны, злодеями донной обители, обманщиками нижнего мира, племенами восьминогих адьараев’, *орто дойду дьолун тохтордулар, төрүүр озо уйатын түннэрдилэр, иитэр сүөһү курүүтүн иннэрдилэр* букв. ‘пролили счастье среднего мира, опрокинули колыбели рождающихся детей, разрушили изгороди разводимого скота’ (о конструкциях формульного характера подробно см. [29]). С лингвофольклористической точки зрения прозаическая строфа является ЭП.

2. Порядок представления УСК. В СЯО зона толкования УСК выделяется с помощью знака ♦ и делится на четыре части: 1) фразеологизмы; 2) составные слова, обозначающие культурные, философские понятия, исторические, религиозные сведения; 3) эпические формулы; 4) другие разновидности речевых оборотов в ЯО (в их состав мы включаем формульные конструкции, конструкции формульного характера (см. [30]), а также ЭП. В силу недостаточной разработанности терминологии в лингвофольклористике в настоящей статье данные единицы ЯО будем обобщённо обозначать как фольклорные идиомы). В каждой части фактический материал систематизируется по алфавиту. При этом соблюдается принцип «слово за словом». Вопрос об установлении леммы нами решён следующим образом: «Словник УСК делится на три основные группы: 1) УСК, стержневым словом которых является имя существительное; 2) УСК, стержневым словом которых является имя прилагательное; 3) УСК, стержневым словом которых является глагол. Словарные вокабулы, соответственно, целесообразно представить в форме: 1) основного падежа в ед.ч.; 2) в основном посредством слов, оформленных аффиксом *-лаах*; 3) 2-го л., ед. ч. повелительного наклонения» [25. С. 50–51].

Например:

♦ ЭФ¹: Уолан баранар уулаах, охтон баранар мастаах орто борон туруу дьабыл дойду букв. ‘средний серопятнистый мир, с водами – испаряясь убывающими, с деревьями – падая редееющими’.

ФИ²: Диринг дойду дьилбиттэрэ, түгэх дойду түөкүттэрэ, аллараа дойду албыннара, абыс атахтаах адьарайдар букв. ‘волшебники глубокой страны, злодеи донной обители, обманщики нижнего мира, племена восьминогих адьараев’.

Орто дойду дьолун тох, төрүүр обо уйатын түгнэр, нитэр сүөһү күрүөтүн иннэр букв. ‘пролить счастье среднего мира, опрокинуть колыбели рождающихся детей, разрушить изгороди разводимого скота’.

Уйгу быйан, кэтит кэһии, үрдүк өрөгөйдөөх дьол букв. ‘несметные богатства, вольготное довольство, высоко торжествующее счастье’.

¹ ЭФ – эпическая формула.

² ФИ – фольклорная идиома.

Словарные статьи в СЯО располагаются по алфавитному принципу. Поскольку доля словарных вокабул, представленных УСК, значительно больше, чем вокабул, представленных лексемами, значения УСК раскрываются не по доминанте, а по первому компоненту. УСК даются на все компоненты и отсылаются к заглавному слову, где даётся определение по первому компоненту УСК. Такое решение принято, чтобы обеспечить удобство при пользовании словарём.

Микроструктура словаря

Словарная статья включает следующие разделы: 1) вокабула; 2) грамматическая характеристика; 3) стилистическая характеристика; 4) статистическая информация; 5) описание значений; 6) иллюстрация.

В СЯО вокабулы, представленные лексемами и УСК, даются под заглавным словом (далее – ЗС), которое пишется заглавными буквами (полужирным шрифтом). Количество словоупотреблений ЗС в тексте олонхо дано в круглых скобках полужирным шрифтом.

Например:

ДЬАБЫЛ букв. ‘имеющий пятна’ *аат*. (8)

♦ ЭФ: **Орто боронг туруу дьябыл дойду** букв. ‘средний серопятнистый мир’.

ФИ: **Хотой хара дьябыла** букв. ‘пятнистый орёл’.

Сиэги дьябыл ааттык букв. ‘пятнистая дорога посреди лесной поросли’.

Грамматические пометы носят традиционный характер. Так, слова уу букв. ‘вода’ и уу букв. ‘сон’ принадлежат к категории имени существительного (як. *аат тыл*).

В стилистических пометах «наиболее употребительными являются такие пометы, как *симв.* (символическое значение слова), *миф.* (происхождение коннотативного значения слова связано с мифологией), *образн.* (образное значение слова) <...> и др.» [23. С. 94]. К примеру, значение словосочетания **өлүү уута** букв. ‘вода смерти’ символическое, так как у якутов мёртвая вода ассоциируется с негативными силами (абаасы, т.е. с представителями злых сил в олонхо) и направлена против **айыы аймаба** букв. ‘божественные племена’ (т.е. человеческого рода), создавая для людей тягостные жизненные испытания.

В квадратных скобках, приводимых в конце дефиниций, полужирным шрифтом указано количество словоупотреблений в определённом значении. Здесь же обычным шрифтом указаны номера страниц в тексте олонхо, где содержится словарная вокабула.

Зону Описания значений рассмотрим на примере ЗС УУ букв. ‘прозрачная жидкость, образующая ручьи, реки, озёра, моря, вода’. Слово имеет лексический омоним со значением ‘периодически наступающее физиологическое состояние покоя, сон’. Омонимы в СЯО помечаются римскими цифрами полужирным шрифтом.

УУ букв. ‘вода’ **I аат. (53)**. Сиргэ уу түөлбэлэрин (өрүстэри, үрэтэри, күөллэри, муоралары, акыйааннары) үөскэтэр, тыынаар тыыннаахха (дьонго, кылыларга, көтөрдөргө, үүнээйигэ) утах буолар дьэнкир дьүһүннээх убаҕас. ☉ Прозрачная жидкость, образующая водоёмы (реки, ручьи, озёра, моря, океаны), служащая питьём для живых существ (людей, животных, птиц, а также растений), вода. Онуоха далла ураһа саҕа уу өрө үллэн табыста да унуоргу очуос хайалар төбөлөрүн үрүт өттүнэн өрө ыһан күдээриттэ букв. ‘волна величиной с малую урасу поднялась вверх и брызнула водой через верхушки противоположных гор’ [3: 196].

♦ ФРЗ¹: Уу да ылбат, уот да сизбэт – туохха да кыайтарбат, туохха да хотторбот. ☉ соотв. и в воде не тонет, и в огне не горит. Бу күтүрү абааһы аймахтара, көстүбэт урдустара, илиэхэй бэттэрэ өлбөт үөстээн, быстыбат тыыннаан, уу да ылбат, уот да сизбэт гына кубулуйтаан – онорбуттара үһү букв. ‘этого верзилу улусы невидимых врагов, лучшие из леших, говорят, создали с неумирающей кровеносной жилой, с неотрываемым дыханием, сотворили его, говорят, в воде не тонущим, в огне не горящим’ [2: 288].

СС²: Харах уута – ытаатахха харахан тахсар дьэнкир дьүһүннээх убаҕас. ☉ Прозрачная жидкость, выделяемая железами, находящимися около глаз при плаче, слеза. Эмээхсин харабын уута ингин быһаҕаһыгар диэри «субурус» гына түстэ букв. ‘слёзы брызнули из глаз старухи и потекли до середины щеки’ [9: 208].

ЭФ: Атыйахтаах уу курдук (айман, хамнаа, дьалкый, аймыы үктүө) <тордуйалаах уу курдук (долгуй, дьалкый, долгуччу-аймыы тэбис)> метаф. – сатарый, айгыраа, улаханлык долгуй (сирдээби

¹ ФРЗ – фразеологизм.

² СС – составное слово.

олобу этэргэ). ☉ Прийти в смятение, расстроиться (о земной жизни). *Үрдүк халлаан тордуйалаах уу курдук долгуйда, Нэрилиир нэ нүөттүгэн атыйахтаах уу курдук дьалкыйда* букв. ‘высокое небо заколебалось, словно вода в берестяном лукошке, преисподняя адская страна расплескалась, как помой в лохани’ [10: 112].

ФИ: **Муора уута булкулунна, байаҕал уута баарыстанна, силис уута дьигиһийдэ, амах уута асахарыйда, мутук уута чорулаата** образн. – сир-дойду киэбэ-киэлитэ, таһаата хамсаата (күүстээх тыал түһэн эбэтэр бухатыыр атын дохсун айаныттан). ☉ Задрожала, заколыхалась поверхность земли (из-за сильного ветра или стремительного хода, бега богатырского коня)¹. *Муора уута булкулунна, байаҕал уута баарыстанна, силис уута дьигиһийдэ, амах уута асахарыйда, мутук уута чорулаата* букв. ‘морские воды заволновались, океанские воды взбаламутились, лесные воды побежали, болотные воды вспенились, с ветвей и листья роса закапала’ [7: 222].

Өлүү уута *симв.* – тыынар-тыыннаах тулуйбат, бэл сымара таас үлтү барар уута (олоххо баар ыарахаттары көрдөрөр уобарас). ☉ Мёртвая вода (образ-символ, представляющий собой жизненные трудности). *Мин бу Өлүү уутугар өлүөх ыйаахтаах киһи буоллахпына саманан дьуобарыах тустаахпын* букв. ‘если мне суждено умереть в этой Мёртвой воде, то вот сейчас навеки погружусь в неё’ [20: 198].

Уу долгунун курдук күөх (эбириэн ынах сүөһү, көбөччөр ат) – сылгы өнүн арааһа: сырдык көбөччөр дьүһүннээх. ☉ Светло-сивый (о масти лошади, крупного рогатого скота). *Уу долгунун курдук күөх көбөччөр аты* мииммит Күн Дьирибинэ бухатыыр кэлбит эбит букв. ‘оказывается, прискакал на сивом коне цвета волнистой воды богатырь Кюн Дьирибинэ’ [2: 302].

УУ букв. ‘сон’ **II аат. (1).** Айылҕа сокуонун быһыытынан эт-хаан кэммиттэн кэмигэр хатыланар сынньалан туругар кириитэ, утуйуу. ☉ Периодически наступающее физиологическое состояние покоя, сон. *Түүн уута кэлбэт, күнүс аһы хотон аһаабат* буолла букв. ‘ночью к нему сон не шёл, днём пища в рот не лезла’ [1: 108].

Как видно из примеров, факультативные компоненты УСК даются в угловых скобках. Синтаксические связи УСК со словами контекста даются в круглых скобках курсивом. Например, **атыйахтаах уу кур-**

¹ В некоторых случаях дефиниция составляется с учётом грамматических особенностей вокабулы, например категорий залога, вида, наклонения глагола.

дук (айманна, хамнаата, дьалкыйа сыста, аймыы үктүөтүлэр) <гордуйалаах уу курдук (долгуйда, дьалкыйда, долгуччу-аймыы тэбистилэр)> букв. ‘словно вода в берестяном лукошке (заколебалась, заволновалась, чуть не расплескалась, раскачали) <как вода в берестяной посудине> (раскачалась, затряслась, сотрясли)’.

В СЯО значение слова или эпического речевого оборота раскрывается исходя из понимания их содержания в якутской фольклорной традиции. При этом при толковании значений УСК дефиницию целесообразно составлять, придерживаясь «двухступенчатого принципа, первый из которых относится к реализации основной базисной дефиниции, а второй – к комментирующей части, которая призвана раскрыть фольклорную коннотацию самого различного характера» [26. С. 125]. К примеру, значение параллелизма *муора уута булкулунна, байаҕал уута баарыстанна, силис уута дьыгилһийдэ, амах уута асахарыйда, мутук уута чорулаата* букв. ‘морские воды заволновались, океанские воды взбаламутились, лесные воды побежали, болотные воды вспенились, с ветвей и листвы роса закапала’ аллегорическое. Скрытый смысл выражения, понимаемый в нашей работе как фольклорная коннотация, следующий: «Вся земля задрожала, близлежащая местность содрогнулась из-за поднявшегося шквала ветра» – *соллонноох содуомнаах халлаан хотугу өттүн диэкилтэн сүрдээх сүүнэ куугунаһ долгун тыал тиийэн кэллэ* букв. ‘с северной стороны вечно алчного бедового неба налетела волна шумного ветра’ [27. С. 110]. Базисная часть дефиниции «Сир-дойду кизбэ-киэлитэ, таһаата хамсаата. ☉ Задрожала, заколыхалась поверхность земли» раскрывает суть аллегории. Информация, содержащаяся в скобках «(куустээх тыал түһэн эбэтэр бухатыыр атын дохсун айаньыттан). ☉ (из-за сильного ветра или стремительного хода, бега богатырского коня)», вносит уточняющие пояснения.

Значения вокабул, представленных лексемами, «предполагается раскрывать, руководствуясь принципами последовательно-логического порядка их представления, исходя из конкретных случаев их функционально-семантических особенностей в тексте эпоса» [26. С. 126]. К примеру, слово уу ‘вода’ в обыденном сознании якутского народа, которое ближе всего фольклорному миропониманию, в первую очередь ассоциируется с природными водоёмами, а также с жидкостью для питья. Дефиницию этой категории вокабул целесообразно составлять, опираясь на информацию о такого рода понятиях,

возникающих в сознании носителя якутского языка прежде других ассоциаций и явлений, тем самым образующих первичное значение лексем в языке фольклора.

В целом коннотативное значение слов в олонхо появляется в результате «поэтического проецирования фольклорной и мифологической картины народного миропредставления» [3. С. 290] на семантическую структуру отдельных лексем и идиоматических выражений. Поэтому дефиниции СЯО интерпретируют многие понятия и явления, имеющие культурное, мифологическое, историческое, философское и религиозное значения.

В зоне иллюстрации оптимально произвести уточнение значения вокабул двумя-тремя примерами из текстов олонхо, так как функционирование многих лексем и УСК в определённом значении в тексте олонхо не так значительно.

Заключение

В работе представлены ключевые показатели концепции СЯО, так как в рамках статьи рассмотреть в полном объёме частные положения руководства по проведению лексикографических работ не представляется возможным.

Экспериментальная составляющая словаря заключается в том, что в нём будут зафиксированы все УСК (эпические формулы, речевые обороты), содержащиеся в эпическом тексте. Эти клише представляют собой основные и автономные, самоценные единицы языка якутского эпоса. Таким образом, словарь не только даёт интерпретацию семантики эпического слова, но фактически экспонирует законы поэтической грамматики.

СЯО относится к лингвистическим словарям. Однако при толковании УСК, содержащих в себе информацию о якутских культурных концептах, дефиниции могут иметь лингвокультурологическую направленность.

По теме исследования проведена планомерная работа. Выявлены основы системности лексикографического представления ЯО, очерчены его лексикографические параметры, определены единицы лексикографического описания, установлены особенности дефинирования, спроектированы макро- и микроструктура словаря. Поскольку в настоящей статье систематизирован и обобщён фундаментальный

замысел СЯО, можно сказать, что первичная разработка по большому счёту подходит к завершению. В проработке нуждаются вопросы, относящиеся к системе помет, а также к системе отсылок словаря. Кроме того, учитывая тот факт, что по результатам пробного лексикографирования могут быть сформулированы ограниченные теоретические выводы, следует, основываясь на принципах представленной концепции, продолжить экспериментальную словарную работу.

Список источников

1. Бётлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1989. 646 с.
2. *Большой толковый словарь якутского языка* = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск : Наука, 2004–2018. Т. I–XV.
3. Никитина С.Е. Словарь языка фольклора: Принципы построения и структура // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X Междунар. съезд славистов. М. : Наука, 1988. С. 288–300.
4. Хроленко А.Т. Структура статьи в словаре языка фольклора // Фольклорная лексикография. Курск, 1994. Вып. 1. С. 4–7.
5. Климас И.С. Фрагмент словаря северных песен: Одежда. Ткани. Украшения // Фольклорная лексикография. Курск, 2002. Вып. 19. С. 65–82.
6. Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск : Изд-во КГУ, 2004. 240 с.
7. Праведников С.П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края : сб. науч. трудов. Курск : Изд-во КГУ, 2019. Т. 1. 245 с.
8. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Курск : Изд-во КГУ, 2006. 314 с.
9. Бобунова М.А. Онежские былины: Частотный словарь. Курск : Изд-во КГУ, 2003. 90 с.
10. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Сибири. Курск : Изд-во КГУ, 2010. 176 с.
11. Ковшиова М.Л. Словарь собственных имён в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М. : Ленанд, 2019. 352 с.
12. Праведников С.П. Былины Печоры: Словник и частотный словарь. Курск : Изд-во КГУ, 2002. 72 с.
13. Праведников С.П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. 3. Курск : Изд-во КГУ, 2020. 349 с.
14. Яцкевич Л.Г. Словарь словесных образов и символов малых жанров фольклора деревни Квасюнино. Вологда : ВоГУ, 2016. 230 с.
15. Бобунова М.А. Русская фольклорная лексикография начала XXI века // Традиционная культура. 2023. Т. 24, № 3. С. 170–176.
16. Гилязова Г.С., Демираг Д.Н., Данилов А.А., Исаев Ю.Н. Истоки развития и современное состояние тюркской мифологии: системный обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 11. С. 3837–3843.

17. Исакова Г.Г. Лингвофольклористика и её значение в изучении языка фольклорных текстов на примере синтаксических особенностей башкирских заговоров // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 1. С. 166–169.
18. Каримова Г.Р. Семантика названий птиц в башкирских народных песнях (этнолингвистический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64) : в 3 ч. Ч. 1. С. 79–81.
19. Вели К.Н. Тюркский фольклорный текст как предмет лингвистической поэтики // IV Всероссийский конгресс фольклористов : сб. науч. ст. : в 3 т. Т. 2. М. : ГРДНТ, 2019. С. 323–332.
20. Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1976. 529 с.
21. Бухарова Г.Х. О проекте словаря языка башкирского народного эпоса // Народное слово в науке о языке. Уфа : РИО БашГУ, 2006. С. 66–68.
22. Роббек Л.В. Функционально-семантические особенности языка олонхо (лексикографический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.
23. Роббек Л.В. Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо. Новосибирск : Наука, 2014. 140 с.
24. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 277 с.
25. Роббек Л.В. О формировании вокабул и организации словарной статьи в словаре языка олонхо // Эпосоведение. 2024. № 1 (33). С. 45–56.
26. Роббек Л.В. Своеобразие семантической структуры дефиниций в словаре языка олонхо // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 2 (47). С. 121–128.
27. Оросин К.Г. Нюргун Боотур Стремительный / ред. текста, пер. и коммент. Г.У. Эргиса. Якутск : Госиздат ЯАССР, 1947. 409 с.
28. Жирмунский В.М. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 3–24.
29. Роббек Л.В. Конструкции формульного характера в словаре языка олонхо // Современный учёный. 2022. № 4. С. 85–89.
30. Роббек Л.В. Формулы и формульные конструкции олонхо как единицы лексикографического описания // Вестник Северо-Восточного государственного университета. Серия «Эпосоведение». 2022. № 2. С. 61–69.

References

1. Betlingk, O.N. (1989) *O yazyke yakutov* [About the language of the Yakuts]. Novosibirsk: Nauka.
2. Sleptsov, P.A. (ed.) (2004–2018) *Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn ulakhan byhaaryylaakh tyld'ytat: v 15 t.* [Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes]. Vols I–XV. Novosibirsk: Nauka.
3. Nikitina, S.E. (1988) [Dictionary of the language of folklore: Principle of construction and structure]. *Istoriya, kul'tura, etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov* [History, culture, ethnography and folklore of the Slavic peoples]. Proceedings of the 10th International Congress of Slavists. Moscow: Nauka. pp. 288–300. (In Russian).

4. Khrolenko, A.T. (1994) [Structure of article in the dictionary of the language of folklore]. In: *Fol'klornaya leksikografiya* [Folklore lexicography]. Vol. 1. Kursk. pp. 4–7.
5. Klimas, I.S. (2002) [Fragment of the dictionary of northern songs: Clothes. Fabrics. Decorations]. In: *Fol'klornaya leksikografiya* [Folklore lexicography]. Vol. 19. Kursk. pp. 65–82.
6. Bobunova, M.A. (2004) *Fol'klornaya leksikografiya: stanovleniye, teoreticheskiye i prakticheskiye rezul'taty, perspektivy* [Folklore lexicography: formation, theoretical and practical results, prospects]. Kursk: Kursk State University.
7. Pravednikov, S.P. (2019) *Leksikograficheskiy kompleks fol'klornykh tekстов: Skazki Kurskogo kraya: sbornik nauchnykh trudov* [Lexicographic complex of folklore texts: Fairy tales of the Kursk region: a collection of scientific works]. Vol. 1. Kursk: Kursk State University.
8. Bobunova, M.A. (2003) *Onezhskkiye byliny: Chastotnyy slovar'* [Oneza epics: Frequency dictionary]. Kursk: Kursk State University.
9. Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. (2006) *Slovar' yazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny* [Dictionary of the language of Russian folklore: Lexicon of epics]. Kursk: Kursk State University.
10. Bobunova, M.A., Khrolenko, A.T. (2010) *Konkordans russkoy narodnoy pesni: Pesni Sibiri* [Concordance of Russian folk song: Songs of Siberia]. Kursk: Kursk State University.
11. Kovshova, M.L. (2019) *Slovar' sobstvennykh imen v russkikh zagadkakh, poslovitsakh, pogovorkakh i idiomakh* [Dictionary of proper names in Russian riddles, proverbs, sayings and idioms]. Moscow: Lenand.
12. Pravednikov, S.P. (2002) *Byliny Pechory: Slovník i chastotnyy slovar'* [Bylinas of Pechora: Vocabulary and frequency dictionary]. Kursk: Kursk State University.
13. Pravednikov, S.P. (2020) *Leksikograficheskiy kompleks fol'klornykh tekстов: Skazki Kurskogo kraya* [Lexicographic complex of folklore texts: Tales of the Kursk region]. Vol. 3. Kursk: Kursk State University.
14. Yatskevich, L.G. (2016) *Slovar' slovesnykh obrazov i simvolov malykh zhanrov fol'klora derevni Kvasyutino* [Dictionary of verbal images and symbols of small genres of folklore of the village of Kvasyutino]. Vologda: Vologda State University.
15. Bobunova, M.A. (2023) Russian Folklore Lexicography at the Beginning of the Twenty-First Century. *Traditional Culture*. 24 (3). pp. 170–176. (In Russian).
16. Gilazova, G.S., Demirag, D.N., Danilov, A.A. & Isaev, Yu.N. (2023) Istoki razvitiya i sovremennoye sostoyaniye tyurkskoy mifonimiki: sistemnyy obzor [Origins of development and current state of Turkic mythonymy: a systemic review]. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 16 (11). pp. 3837–3843.
17. Iskhakova, G.G. (2009) Lingvofol'kloristika i yeye znachenije v izuchenii yazyka fol'klornykh tekстов na primere sintaksicheskikh osobennostey bashkirskikh zagovorov [Linguofolkloristics and its significance in the study of the language of folklore texts using the example of syntactic features of Bashkir spells]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 14 (1). pp. 166–169.
18. Karimova, G.R. (2016) Semantika nazvaniy ptits v bashkirskikh narodnykh pesnyakh (etnolingvisticheskiy aspekt) [Semantics of bird names in Bashkir folk songs]

(ethno linguistic aspect)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 10 (26):1. pp. 79–81.

19. Veli, K.N. (2019) [Turkic folklore text as a subject of linguistic poetics]. *IV Vse-rossiyskiy congress fol'kloristov: sbornik nauchnykh statey* [4th All-Russian Congress of Folklorists: Proceedings]. In 3 volumes. Vol. 2. Moscow: GRDNT. pp. 323–332.

20. Todaeva, B. Kh. (1976) *Opyt lingvisticheskogo issledovaniya eposa "Dzhangar"* [Experience of linguistic research of the epic "Jangar"]. Elista: Kalmyk. kn. izd-vo.

21. Bukharova, G.Kh. (2006) O proekte slovarya yazyka bashkirskogo narodnogo eposa [About the project of the dictionary of the language of the Bashkir folk epos]. In: *Narodnoe slovo v nauke o yazyke* [Folk word in the language science]. Ufa: Bashkir State University. pp. 66–68.

22. Robbek, L.V. (2009) *Funktsional'no-semanticheskiye osobennosti yazyka olonkho (leksikograficheskii aspekt)* [Functional-semantic features of the Olonkho language (lexicographic aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

23. Robbek, L.V. (2014) *Leksiko-semanticheskiye osobennosti yazyka yakutskogo geroicheskogo eposa olonkho* [Lexico-semantic features of the language of the Yakut heroic epic Olonkho]. Novosibirsk: Nauka.

24. Sleptsov, P.A. (1990) *Yakutskiy literaturnyy yazyk: Formirovaniye i razvitiye obshchenatsional'nykh norm* [Yakut literary language: Formation and development of national norms]. Novosibirsk: Nauka.

25. Robbek, L.V. (2024) O formirovaniy vokabul i organizatsii slovarnoy stat'i v slovare yazyka olonkho [On the formation of vocabulary and the organization of dictionary entries in the dictionary of the Olonkho language]. *Eposovedeniye*. 1 (33). pp. 45–56.

26. Robbek, L.V. (2024) Svoyeobraziye semanticheskoy struktury definitsiy v slovare yazyka olonkho [The originality of the semantic structure of definitions in the Olonkho language dictionary]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2 (47). pp. 121–128.

27. Orosin, K.G., Ergis, G.U. (1947) *Nyurgun Bootur Stremitel'nyy* [Nyurgun Bootur the Swift]. Yakutsk: Book publishing house.

28. Zhirmunsky, V.M. (1964) Ritmiko-sintaksicheskii paralelizm kak osnova drevnetyurkskogo narodnogo epicheskogo stikha [Rhythmic-syntactic parallelism as the basis of ancient Turkic folk epic verse]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 4. pp. 3–24.

29. Robbek, L.V. (2022) Konstruktsii formul'nogo kharaktera v slovare yazyka olonkho [Constructions of formulaic character in the dictionary of the Olonkho language]. *Sovremennyy uchenyy*. 4. pp. 85–89.

30. Robbek, L.V. (2022) Formuly i formul'nyye konstruktsii olonkho kak yedinityy leksikograficheskogo opisaniya [Formulas and formulaic constructions of olonkho as units of lexicographic description]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Eposovedeniye"*. 2. pp. 61–69.

Сведения об авторе:

Роббек Лия Витальевна – канд. филол. наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия). E-mail: robbek@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Liya V. Robbek, Cand. Sci. (Philology), researcher, Institute for Humanitarian Research and Problems of Small Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: robbek@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.10.2024;
одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 10.12.2024.*

*The article was submitted 29.10.2024;
approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 10.12.2024*

Научная статья

УДК 811.4

doi: 10.17223/22274200/34/3

Проект словаря новоарамейских глаголов

Елена Евгеньевна Шведова¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, shvedovalena98@gmail.com*

Аннотация. «Словарь новоарамейских глаголов» разрабатывается с целью систематизации данных об устройстве глагольных систем различных северо-восточных новоарамейских идиомов. Помимо перевода глаголов и информации о морфологии, в словаре указываются акциональные характеристики лексемы, валентностная рамка, деривационный потенциал, а также приводятся примеры из корпуса. В настоящей статье описывается структура, формат и объем словаря, и обсуждаются задачи, которые можно решать с помощью словаря.

Ключевые слова: новоарамейские языки, семитские языки, глагольный словарь, акциональность, аргументная структура, породы глагола

Для цитирования: Шведова Е.Е. Проект словаря новоарамейских глаголов // Вопросы лексикографии. 2024. № 34. С. 42–61. doi: 10.17223/22274200/34/3

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01009 «Ареально-типологическое описание новоарамейских идиомов Армении». Автор искренне благодарит всех консультантов, ассирийцев России и Армении, за их бесконечную отзывчивость, коллег-соэкспедиционеров, в особенности Е.А. Забелину, Ю.Б. Корякова и А.А. Русских, за их ценные комментарии к статье и помощь в сборе словаря, а также анонимного рецензента за важные дополнения и правки.

Original article

doi: 10.17223/22274200/34/3

The project of a lexicon of Neo-Aramaic verbs

Elena E. Shvedova¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russian Federation, shvedovalena98@gmail.com*

Abstract. A group of scholars from Saint Petersburg and Moscow is working on a Lexicon of Neo-Aramaic verbs. The purpose of the lexicon is to systematise data on the structure of the verb systems of various North-Eastern Neo-Aramaic varieties. The dictionary now contains information on Christian Urmi, Nudéz, Mahmudi, and Bohtan idioms. The dictionary is being created to achieve the following goals: (1) documentation of Neo-Aramaic varieties, (2) intragroup comparison of the verb systems of these varieties, and (3) comparison of Neo-Aramaic data with the predictions of general linguistic theories of verb semantics. Documentation is necessary because all the varieties under study are endangered and poorly described. By comparing the verb systems of several closely related varieties, it is possible to determine which features of the verb systems are inherited from a common ancestor and which are the result of parallel development. The discussion of the Neo-Aramaic data from a typological perspective contributes to general linguistic theory. The layout of the Lexicon of Neo-Aramaic verbs has been designed according to the ideas of modern general semantics about the structure of verb meaning. The lexicon entry has the following blocks: general information, morphology, valency pattern and actionality. This allows us to study the interaction of verbal actionality and argument structure, as well as their interaction with derivational morphology. In addition, examples of the use of each lexeme in a corpus of spoken texts are given. Data for the lexicon were collected using the method of elicitation while working with speakers who live in the Assyrian diasporas in Russia and Armenia. Data from existing dictionaries were also used. The lexicon already contains basic information on more than 1800 verbs of Christian Urmi, and for some of them (about 100 verbs) a full description is available, including information on argument structure and actionality. For other varieties, only general information on 120 lexemes is available so far. The lexicon is being actively enriched now. Currently, the dictionary exists as a table in the Excel editor, but a web interface is being developed in parallel, after completion of which the Lexicon of Neo-Aramaic verbs will be made publicly available. The information on the lexicon's online page will be available in Russian and English for the convenience of a wide range of users, including both researchers and speakers of Neo-Aramaic languages. This article provides general information about Neo-

Aramaic idioms and their areas of distribution, discusses the theoretical prerequisites for the creation of the lexicon, proposes the layout of the dictionary entries, and describes the procedure for enriching the dictionary.

Keywords: Neo-Aramaic languages, Semitic languages, verb lexicon, actionality, argument structure, verbal stems

Acknowledgments: The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01009: Areal and Typological Description of the Neo-Aramaic varieties in Armenia. I would like to thank the speakers of the Neo-Aramaic languages who consulted me for their responsiveness, and my colleagues, especially Yu. Koryakov, A. Russkikh and E. Zabelina, for their valuable comments on the article and assistance in collecting data for the lexicon.

For citation: Shvedova, E.E. (2024) The project of a lexicon of Neo-Aramaic verbs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 34. pp. 42–61. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/34/3

Введение

С 2019 г. петербургско-московская группа лингвистов и востоковедов ведет систематическую работу по документации и описанию северо-восточных новоарамейских языков в типологической перспективе. На северо-восточных новоарамейских языках говорят христиане и евреи, которые до недавнего времени проживали на юго-востоке современной Турции, северо-западе Ирана и севере Ирака. Сейчас большинство носителей этих языков живут в диаспорах по всему миру [1. С. 661]. В рамках лингвистических экспедиций петербургско-московской группы исследуются в первую очередь идиомы, на которых говорят в ассирийских¹ диаспорах России и Армении. За несколько лет работы были созданы корпус устных текстов [2], звуковой словарь [3], исследованы различные грамматические темы, см., например, [4–7]. В настоящее время с целью систематизации данных об устройстве глагольных систем изучаемых идиомов составляется «Словарь новоарамейских глаголов» (СНАГ), описанию которого посвящена эта статья.

¹ Носители северо-восточных новоарамейских языков, исповедующие христианство, обычно используют обобщенный этноним «ассирийцы» для самоидентификации. В этой статье мы будем использовать этот термин в этом же значении, не имея возможности подробно останавливаться на обсуждении сложных социолингвистических вопросов, касающихся идентичности носителей северо-восточных новоарамейских языков.

Словарь разрабатывается в виде электронной базы данных, так как этот формат позволяет хранить единообразно структурированную информацию о большом количестве глаголов с возможностью поиска и фильтрации. В настоящее время словарь существует в виде таблицы в редакторе Excel, однако параллельно ведется разработка веб-интерфейса, после завершения которой СНАГ будет выложен в открытый доступ. Информация на онлайн-странице словаря будет дублироваться на русском и английском языках для удобства широкого круга пользователей, включающего как исследователей, так и носителей новоарамейских языков.

СНАГ создается для решения следующих задач: 1) документация новоарамейских идиомов, 2) внутригрупповое сравнение глагольных систем этих идиомов, 3) сопоставление новоарамейских данных с предсказаниями общих лингвистических теорий структуры глагольного значения. Далее в статье приводятся общие сведения о сравниваемых идиомах и территориях их распространения, обсуждаются теоретические предпосылки создания словаря, предлагается макет словарной статьи и описывается процедура пополнения словаря.

Новоарамейские языки

Новоарамейские языки относятся к арамейской группе центрально-семитской ветви семитской языковой семьи, являющейся частью афразийской макросемьи [8]. Первые памятники на арамейских языках были созданы в IX в. до н.э., таким образом, письменное засвидетельствование арамейских языков составляет почти 3 000 лет. Согласно классификации К. Байера [9], в истории арамейских языков можно выделить три основных периода: староарамейские (IX в. до н.э. – 200 г. н.э.), среднеарамейские (200–700 гг. н.э.) и новоарамейские языки (первые памятники относятся к XVI в. н.э.)¹. Генетически арамейские языки делятся на две основные подгруппы – западную и восточную [11. С. 433]. Единственным живым представителем западной подгруппы является **современный западный ара-**

¹ В литературе также часто цитируется классификация Дж. Фицмайера [10]. Она состоит из пяти периодов: древний арамейский (IX в. до н.э. – 700 г. до н.э.), официальный арамейский (700–200 гг. до н.э.), среднеарамейский (200 г. до н.э. – 200 г. н.э.), поздний арамейский (200–700 гг. н.э.) и новоарамейский [11. С. 429].

мейский язык; к восточным новоарамейским относятся язык **туройо**¹, **новомандейский язык** и кластер **северо-восточных новоарамейских** идиомов (далее **NENA**, от *North-Eastern Neo-Aramaic*).

Основы научной традиции изучения новоарамейских языков были заложены европейскими учеными в XIX в. (подробнее об истории документации этих языков см. [1. С. 661]). В последние десятилетия внимание ученых к новоарамейским языкам растет, так как большинство этих идиомов являются бесписьменными и находятся в угрожаемом состоянии. Среди многочисленных работ отметим современные грамматические описания восточных новоарамейских языков, например [13–16], сопоставительные исследования различных новоарамейских идиомов [17–19], электронные корпуса литературного урмийского языка (< NENA) [20] и туройо [21], публикации текстов на новоарамейских языках [22; 23]. Кроме того, для языка туройо был создан глагольный словарь [24], на структуру которого мы во многом опирались при создании макета нашего «Словаря новоарамейских глаголов».

В США к настоящему моменту включены только идиомы из группы NENA, однако в будущем планируется добавление и других новоарамейских языков. Кластер NENA состоит из примерно 150 идиомов, образующих диалектный континуум [1]. До начала XX в. эти идиомы, как уже упоминалось, были распространены на территории, находящейся на границе современной Турции, Ирана и Ирака, однако к настоящему моменту большинство носителей покинуло эти территории из-за притеснений. На карте ниже (рис. 1) показано распространение различных групп идиомов кластера NENA к концу XIX в.

В США собраны данные о глаголах четырех идиомов NENA, а именно христианского урмийского, мамедайского, нудезнайского и ботанайского². **Христианский урмийский** является наиболее лингвистически описанным из всех NENA, он же лег в основу литератур-

¹ Мы используем классификацию новоарамейских языков, предложенную Р. Хоберманом [12]. В более ранних работах туройо (вместе с вымершим языком млахсо) относили к отдельной группе центральных новоарамейских языков [1. С. 663].

² Русские названия образованы от названий на соответствующих идиомах: (*lišanət*) *urməžnáyə*, *tamedáyə* (или *tamedé*), *nudəznáyə* и *botanáyə*. Все эти идиомы принадлежат к группе христианских NENA (противопоставленных еврейским), поэтому иногда их могут объединять под названием «ассирийский язык».

ного ассирийского языка. Часть носителей христианского урмийского до сих пор живет на своих исконных территориях близ озера Урмия в северо-западном Иране.

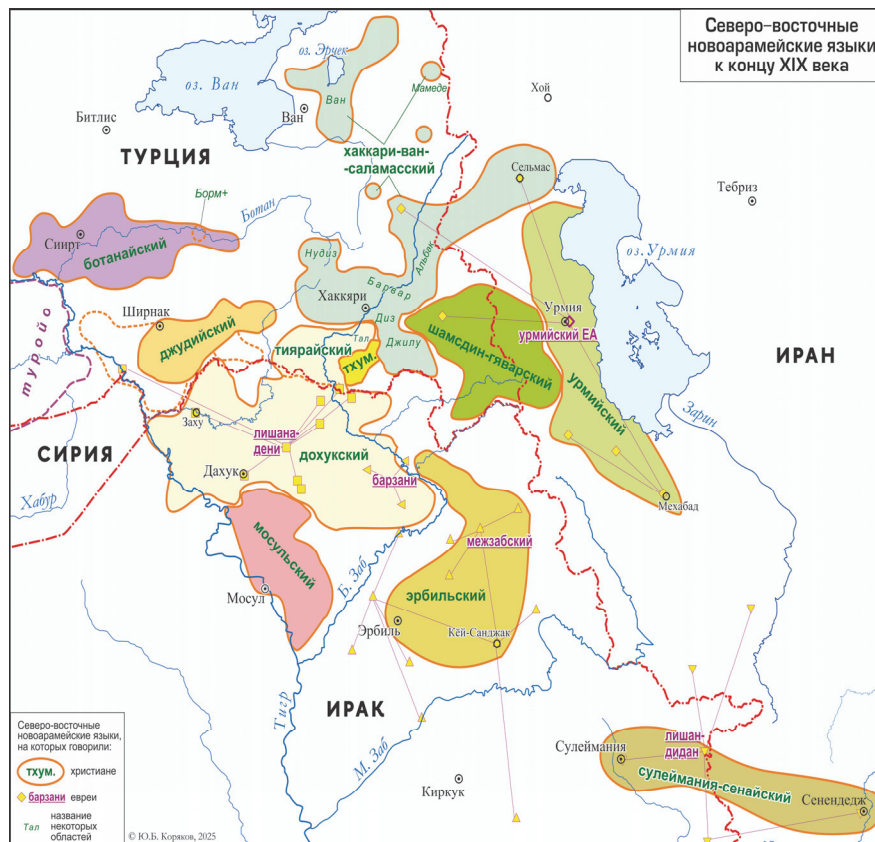

Рис. 1. Карта распространения идиомов NENA к концу XIX в. (создана Ю.Б. Коряковым на основании описания Дж. Хана)

Мамедайский и **нудезнайский** идиомы близки к христианскому урмийскому, но лингвистически не описаны в литературе. По нашим полевым данным, носители мамедайского до начала XX в. проживали в области Махмуди Ванского вилайета Османской империи (территория современной юго-восточной Турции). Нудезнайский идиом был

распространен в области Нудиз, также относившейся к Ванскому вилайету. **Ботанайский**¹ идиом сильно отличается от трех перечисленных: например, он не является взаимопонятным с ними, а также имеет существенные структурные отличия. Носители ботанайского идиома проживали на северо-западной окраине распространения диалектного континуума NENA, в пределах современной турецкой провинции Сиирт.

В ходе нескольких волн миграций в XIX и XX вв. носители некоторых идиомов NENA переселились в Закавказье. Сейчас их потомки проживают в Армении (2 400 носителей [26]), Грузии (2 377 в этнической группе [27]), Азербайджане (остались единицы) и России (более 1 900 носителей [28]). Единственным населенным пунктом в России, где в настоящее время большинство населения составляют ассирийцы, является село Урмия в Краснодарском крае (там проживает около 350 ассирийцев [28]). Кроме того, по нашим полевым данным, большое количество носителей NENA проживает в Краснодарском крае в г. Крымске (около 1 500 ассирийцев), станице Динской и поселке Афином, а также в Ставропольском крае в г. Новопавловске.

Для пополнения СНАГ в с. Урмия собирались данные о глаголах христианского урмийского и нудезнайского идиомов. Весной 2024 г. состоялась поездка в одно из ассирийских сел Армении, а именно в с. Верин-Двин. Там велась работа с носителями христианского урмийского и мамедайского идиомов. Летом 2024 г. была организована поездка к ассирийцам г. Крымска, где мы работали с носителями христианского урмийского, ботанайского и нудезнайского идиомов. Все названные идиомы находятся под угрозой исчезновения, поэтому описание их глагольных систем в СНАГ является важным этапом их документации. Далее мы подробнее обсудим структуру словаря, позволяющую хранить в нем данные о глаголах сразу нескольких идиомов, и теоретические предпосылки создания такого ресурса.

Теоретические предпосылки

Отметим, что СНАГ не претендует на детальность семантической классификации «Экспериментального исследования семантики рус-

¹ Мы используем это название вслед за носителями и автором грамматического описания С. Фоксом [25], имея в виду идиом, на котором говорили в деревнях Борб, Рума и Швата, а не во всей области Ботан.

ского глагола» Ю.Д. Апресяна [29] или широту охвата лексики «Большого толкового словаря русских глаголов» под редакцией Л.Г. Бабенко [30], так как создается для малоописанных идиомов и направлен прежде всего на их документацию. По нашему замыслу, СНАГ должен стать удобным способом хранения исчерпывающей информации в первую очередь о тех свойствах новоарамейских глаголов, которые являются релевантными для грамматики, а в перспективе использоваться для соотнесения новоарамейских данных с типологическими ожиданиями. Сравнение глагольных систем нескольких близкородственных идиомов также представляется нам перспективным направлением исследования. Это позволит проанализировать их сходства и различия и описать, какие особенности глагольных систем были унаследованы от общего предка, а какие являются результатом параллельного развития.

При создании макета словаря мы ориентировались на представления современной общей семантики о том, как устроено глагольное значение, поэтому в СНАГ для каждого глагола описываются его акциональные характеристики и аргументная структура. Как отмечает С.Г. Татевосов [31. С. 162, 242], «всепроникающий» вклад в теорию лексического значения внесла работа Д. Даути «Значение слова и грамматика Монтегю» [32]. В ней была сформулирована идея о предикатной декомпозиции и наличии в семантике глагола структурных компонентов, влияющих на грамматическое поведение глагола. Ядро значения глагола составляют его акциональные характеристики (описываемые с помощью ограниченного набора подсобытий и операторов), а также состав и свойства его аргументов.

В дальнейшем эти идеи получили развитие в теориях многих других авторов, которые в своих исследованиях событийной структуры опирались на анализ представительной выборки глаголов конкретных языков. К таким работам можно отнести словарь русских глаголов «Лексикограф» [33], классификацию английских глаголов Б. Левин [34] и созданный на основе этой классификации электронный ресурс “VerbNet” [35]¹, а также базу данных «Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке» [37]. Лексикографическая практика, принятая в этих исследованиях, легла в основу «Словаря

¹ О словниках в стиле “VerbNet” для языков помимо английского (чешский, арабский и др.) см. в [36. Р. 317].

новоарамейских глаголов». В СНАГ для каждого глагола вносится информация о его акциональной и актантной структуре и их взаимодействии. Кроме того, при составлении словаря мы учитывали особенности новоарамейских языков, поэтому включили информацию о деривационных связях глаголов¹.

Структура словаря

Словарная статья в СНАГ имеет следующие блоки: общие сведения, морфология, примеры, валентностная рамка и акциональная характеристика. Каждый блок состоит из нескольких полей, содержание которых мы подробно обсудим ниже. В табл. 1 представлен макет словарной статьи с примерами заполнения для однокоренных лексем ‘бояться’ и ‘пугать’ из христианского урмийского.

Таблица 1

Примеры словарных статей в СНАГ

Общие сведения		
Идиом	Христианский урмийский	Христианский урмийский
ID	1.1.1	1.2.1
Корень	+zdy	+zdy
Лексема	+zadə	+mazdə
Порода	I	III
Значение	RU бояться, опасаться EN to fear, to be afraid	RU пугать, запугивать, угрожать EN to frighten, to intimidate, to threaten
Диагностические формы		
PRS	+zādə	+māzədə
PST	+zdi-le	+muzdi-le
PROG	+bəzdāya	+mazdūyə
Примеры		
Пример	ana len +bəzda mən mot-i	+mazduy-o=la bi tavərta

¹ Модель глагольной системы, используемая при создании СНАГ, является морфемноцентричной, об отличиях таких моделей от лексемоцентричных см. [31. С. 246].

Глоссы	<u>RU</u> я NEG.1SG бояться.PROG от смерть(M)-P.1SG <u>EN</u> I neg.1SG fear.PROG from death(M)-P.1SG	<u>RU</u> пугать.PROG-P.3F=3F с корова(F) <u>EN</u> scare.PROG-P.3F=3F from cow(F)
Перевод	<u>RU</u> ‘Я не боюсь смерти’. <u>EN</u> ‘I’m not afraid of death.’	<u>RU</u> ‘Она пугает ее коровой’. <u>EN</u> ‘She scares her with a cow.’
Источник	220811_lii_AR_ES_LZ_Skazka_pro_zl atovlasku	210819_lii_AL_AR_ES_Zhe ltaya_korova
Валентностная рамка		
	X: <i>SBJ</i> , Y: <i>mən</i>	Z: <i>SBJ</i> , X: <i>DO</i> , Y: <i>bi</i>
Пример	<i>yala</i> (X) <i>mən calba</i> (Y) + <i>bəzday</i> =əl ‘Мальчик (X) боится собаки (Y)’.	<i>švava</i> (Z) + <i>musdilə ka yala</i> (X) <i>bi calba</i> (Y) ‘Сосед (Z) напугал мальчика (X) собакой (Y)’.
Акциональная характеристика		
Класс	Слабый инцептивно-стативный	Слабый ингрессивно-непредельный
<PROG; PST>	<S; ES S>	<P; ES P>
PROG	<i>udyu calba cullə yuma bənvaxəl, ya suri +bəzdayena mən calba cullə yuma</i> ‘Сегодня собака громко лает, и мои дети весь день боятся ее’. (S)	<i>cullə yuma calbət švavi ya suri +mazduyela udyu</i> ‘Сегодня соседская собака весь день пугает моих детей’. (P)
PST	1. <i>e +dan tila calba, ya suri +zdilun</i> ‘Когда прибежала собака, дети испугались’. (ES) 2. <i>ya suri +zdilun xa dərya +dana, +xarta la vilun +bəzdaya</i> ‘Дети побоялись несколько часов и перестали бояться’. (S)	1. <i>xa +sahat kam xada calba +rxətlə, +muzdiyyela ya suri</i> ‘Час назад прибежала собака и напугала моих детей’. (ES) 2. <i>calbət švavi +muzdiyyela ya suri cullə yuma, +xarta rəklə</i> ‘Соседская собака пугала моих детей несколько часов, а потом убежала’. (P)

Общие сведения. В новоарамейских языках распространена свойственная семитским языкам неконкатенативная морфология. Корень глагола состоит из трех согласных, а словообразовательные и грамматические значения выражаются как с помощью наборов гласных,

вставляемых между согласными корня, так и аффиксально. Например, в христианском урмийском основа прогрессива может образовываться по моделям *bəCCaCa*, *CaCuCə* или *maCCuCə*, где *C* – согласные корня. Подобное алломорфическое варьирование при образовании видо-временных глагольных форм обуславливается принадлежностью лексемы к определенному словоизменительному классу. Глагольные классы, в соответствии с традиционной терминологией, называются «породами». В исследуемых идиомах NENA выделяются пять пород: I, II, III, QI и QII, при этом от одного и того же корня могут образовываться формы в разных породах. Породы не только определяют форму глагола, но и ассоциированы с определенной аргументной и событийной структурой. Таким образом, изменение породы можно описывать как актантную деривацию, ср. примеры лексем с корнем *z-d-y* из табл. 1: глагол в породе III + *mazdə* ‘пугать’ является каузативным дериватом глагола породы I + *zadə* ‘бояться’. В СНАГ каждой лексеме присваивается трехчастный порядковый номер (ID) в формате «корень–лексема–значение», что позволяет хранить информацию о деривационных связях лексем, так как однокоренные лексемы разных пород объединены первой частью номера.

Диагностические формы. Для каждой лексемы указываются формы как минимум трех основ: презенса (PRS), претерита (PST, с суффиксом 3 лица мн.ч., так как в образовании этого суффикса также наблюдается вариативность), и прогрессива (PROG). Это позволяет зафиксировать разницу между идиомами, а иногда и между идиолектами – тогда для одного идиома вносится сразу несколько вариантов основ с указанием кода носителя, использующего ту или иную форму. Таблица 2 иллюстрирует, как в СНАГ отражается вариативность в образовании форм прогрессива от глагола с корнем *š-t-y*, который в породе III значит ‘поить’.

Таблица 2

Диалектная и идиолектная вариативность в СНАГ

Идиом	Христианский урмийский	Нудезнайский	Мамедайский
PROG	<i>maštúvva</i> (nlt), <i>maštúvvə</i> (vms), <i>maštúva</i> (jsb)	<i>məštúvvə</i>	<i>məštúvvə</i>

Примеры. В настоящее время мы работаем над синхронизацией СНАГ с «Корпусом северо-восточных новоарамейских диалектов на

территории России» [2]. После этого в словаре будет доступна функция просмотра всех примеров употребления лексемы в естественных текстах. Каждый пример в корпусе сопровождается морфологическими глоссами, переводом на русский и английский языки, а также метайнформацией о тексте (дата записи, код носителя, название текста).

Валентностная рамка. Для каждой лексемы в СНАГ указывается количество семантических актантов и их синтаксическое оформление. В новоарамейских языках представлено как зависимостное маркирование аргументов глагола с помощью предлогов (ср.: предлоги *bi* и *tən* в табл. 1), так и вершинное – при помощи показателей лица, числа и рода. Подлежащее (SBJ) всегда индексируется на глаголе, прямое дополнение (DO) индексируется в соответствии с правилами дифференцированного маркирования объекта [5], кроме того, возможно индексирование непрямого дополнения (IO) при дитранзитивных глаголах.

Пример с глаголами из табл. 1 демонстрирует, как с помощью СНАГ можно исследовать изменение аргументной структуры глагола при каузативизации. При глаголе *+zadā* ‘бояться’ участник X (‘мальчик’) выступает в роли подлежащего, а участник Y (‘собака’) кодируется предлогом *tən*. При каузативном деривате *+mazdā* ‘пугать’ позицию подлежащего занимает новый участник (‘сосед’), участник X смещается в позицию прямого дополнения, а кодирование участника Y меняется с предлога *tən* на *bi*. При анализе словаря удалось выяснить, что такая смена кодирования актантов при каузативизации происходит не у всех глаголов, управляющих предлогом *tən*, а только у эмотивных предикатов (например, так же ведет себя глагол *paḫər* ‘стесняться’).

Акциональная характеристика. Для изучения глагольной акциональности мы используем методику, предложенную С.Г. Татевосовым [38]. Для каждой лексемы описываются ее акциональные интерпретации в двух диагностических формах: имперфективной форме прогрессива (PROG) типа *bəptaxəlā* ‘он открывает’ и перфективной форме претерита (PST) типа *ptaxlā* ‘он открыл’. После применения синтаксических тестов каждой форме приписываются интерпретации из заранее определенного списка значений: состояние (S), процесс (P), мультипликативный процесс (MP), вхождение в состояние (ES), вхождение в процесс (EP). Сравнение акциональных характеристик

однокоренных глаголов разных пород позволит в будущем изучать влияние глагольной деривации на акциональную интерпретацию.

Другие параметры описания лексем. Электронный формат словаря делает возможным постоянно пополнять его как новыми лексемами, так и новыми компонентами описания. В настоящий момент ведется несколько отдельных исследований глагольной лексики в идиомах NENA, результаты которых также будут интегрированы в СНАГ. Например, планируется добавить отдельный блок для таких характеристик событийной структуры, как количество подсобытий (результаты синтаксических тестов на (би)событийность), спецификация дескриптивных свойств подсобытий (глаголы результата и глаголы способа), тип каузации (для каузативных глаголов). В блоке «Акциональная характеристика» будут добавлены интерпретации формы перфекта. Перспективным также представляется добавление этимологических комментариев к некоторым глаголам.

Пополнение словаря

Проект «Словаря новоарамейских глаголов» был создан после нескольких лет полевой работы с носителями разных идиомов, когда возникла потребность систематизации накопленных знаний о глаголах. Следовательно, СНАГ является синтезом нескольких отдельных исследований глагольной лексики, проведенных разными авторами. Сведение этих исследований в единую базу данных проводилось в несколько этапов.

Сначала работа велась только с христианским урмийским идиомом. Коллективом авторов был модифицирован и переведен в цифровой формат большой словарь христианского урмийского, составленный Дж. Кханом [39]. В результате впервые появился электронный словарь этого идиома с морфологической разметкой и возможностью поиска по ней. Глагольные лексемы из электронного словаря затем легли в основу СНАГ: всего в словаре Дж. Кхана было найдено 1812 глаголов. Для каждого из этих глаголов мы определили корень, породу и количество значений, после чего присвоили всем лексемам порядковые номера, отражающие деривационные связи. Таким образом, на первом этапе разработки СНАГ содержал только общие сведения (ср. первый блок в табл. 1) о 1812 урмийских глаголах.

На следующем этапе в СНАГ были добавлены данные о христианском урмийском и нудезнайском, собранные в ходе экспедиций в с. Урмия. Во-первых, за несколько лет работы в этом селе С.С. Сай провел систематическое изучение маркирования глагольных актантов в идиомах NENA в типологической перспективе. В частности, в рамках проекта BivalTyp [40] он описал кодирование аргументов 124 двухместных предикатов в христианском урмийском [4]. В СНАГ в первую очередь были внесены опубликованные данные о валентностных рамках именно этих предикатов [41]. Затем была добавлена информация и о других классах глаголов, например, указана аргументная структура 31 каузативного глагола, изученного Е.Е. Шведовой [7].

Во-вторых, в экспедициях в с. Урмия Д.А. Ермакова проанализировала акциональность 109 глаголов христианского урмийского идиома [6]. В выборку этого исследования входили в основном глаголы породы I, поэтому для пополнения СНАГ в дальнейших экспедициях мы в первую очередь собирали данные об акциональной характеристике однокоренных глаголов в других породах. Кроме того, в ходе работы над созданием звукового словаря идиомов NENA, распространенных на территории России [3], несколькими участниками экспедиции были собраны общие сведения (корень, лексема, порода, значение) и диагностические формы 120 предикатов нудезнайского идиома. На третьем этапе работы в ходе экспедиций в с. Верин-Двин и в г. Крымск таким же образом были описаны 120 предикатов в мамедайском и ботанайском идиомах.

Сейчас мы активно работаем над пополнением словаря. С одной стороны, продолжается изучение глагольной системы христианского урмийского: в финальной версии СНАГ будут указаны валентностные рамки и акциональные характеристики всех 1812 глаголов, легших в основу словаря. С другой стороны, для менее описанных нудезнайского, мамедайского и ботанайского идиомов будут элицитированы новые глаголы, что позволит провести обширное сравнение с уже имеющимися в словаре урмийскими глаголами. Мы надеемся, что в перспективе к сбору словаря будут подключаться исследователи и других новоарамейских языков, что сделает возможным более глубокое внутригрупповое сравнение глагольных систем.

Заключение

В пилотном проекте «Словаря новоарамейских глаголов» мы попытались совместить требования современной глагольной лексикографии с реальными возможностями документации малоописанных языков, находящихся под угрозой исчезновения. Был разработан макет словарной статьи, включающей лексическую информацию о глаголе, релевантную для грамматики. По этому макету были частично описаны глагольные системы четырех северо-восточных новоарамейских идиомов, что позволило уже на этом этапе разработки начать проводить сопоставительные исследования. В ближайшем будущем планируется пополнение словаря новыми лексемами уже включенных идиомов, новыми идиомами и новыми описательными компонентами. После публикации в открытом доступе СНАГ может стать удобным инструментом как для исследователей – арамеистов, типологов, семантистов, так и для носителей языка.

Список сокращений

- 1 – 1-е лицо
- 3 – 3-е лицо
- СНАГ – Словарь новоарамейских глаголов
- EP – вхождение в процесс
- ES – вхождение в состояние
- F – женский род
- I, II, III, QI, QII – породы глагола
- M – мужской род
- MP – мультипликативный процесс
- NEG – отрицание
- NENA – северо-восточные новоарамейские языки
- P – притяжательный суффикс (в глоссах)
- P – процесс (в акциональных значениях)
- PROG – прогрессив
- PRS – презент
- PST – претерит
- S – состояние
- SG – единственное число

Список источников

1. Лявданский А.К. Новоарамейские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / под ред. А.Г. Беловой, Л.Е. Когана, С.В. Лёзова, О.И. Романовой. М. : Academia, 2009. С. 660–693.

2. Ovsjannikova M., Kozhanov K., Logvinova N., Lyavdansky A., Russkikh A., Say S., Shuvalova V., Shvedova E., Zabelina E. Corpus of NENA varieties spoken in Russia. 2022. URL: <https://nena-dict.ru/corpus> (дата обращения: 21.09.2024).
3. Zabelina E., Ovsjannikova M., Say S. Sound dictionary of NENA varieties spoken in Russia. 2022. URL: <https://nena-dict.ru/dictionary> (дата обращения: 21.09.2024).
4. Сай С.С. Маркирование актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах села Урмия // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2020. № 16 (2). С. 654–689.
5. Шувалова В.П. Стратегии маркирования объекта в христианском урмийском идиоме села Урмия // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2023. № 19 (3). С. 611–633.
6. Ермакова Д.А. Глагольная акциональность в новоарамейских идиомах с. Урмия (Краснодарский край) // Восемнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 г.) / под ред. Д.Ф. Мищенко, Д.В. Герасимова. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 84–87.
7. Шведова Е.Е. Каузативные оппозиции в христианском урмийском новоарамейском // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 110–140.
8. Kogan L. Genealogical Classification of Semitic: The Lexical Isoglosses. Berlin, München, Boston : De Gruyter, 2015. 734 p.
9. Beyer K. The Aramaic Language: Its Distribution and Subdivisions. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1986. 61 p.
10. Fitzmyer J.A. A Wandering Aramean: Collected Aramaic Essays. Missoula : Scholars Press, 1979. 308 p.
11. Лёзов С.В. Арамейские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападное семитские языки / под ред. А.Г. Беловой, Л. Е. Когана, С.В. Лёзова, О.И. Романовой. М. : Academia, 2009. С. 414–495.
12. Hoberman R. The Syntax and Semantics of Verb Morphology in Modern Aramaic. A Jewish Dialect of Iraqi Kurdistan. New Haven : American Oriental Society, 1989. 226 p.
13. Khan G. The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vol. 1. Grammar: Phonology and Morphology. Leiden; Boston : Brill, 2016. 587 p.
14. Häberl Ch.G. The Neo-Mandaic Dialect of Khorramshahr. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2009. 379 p.
15. Talay Sh. Neuaramäische Texte in den Dialekten der Khabur-Assyrer in Nordostsyrien. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2008. 479 s.
16. Molin D. The Neo-Aramaic Dialect of the Jews of Dohok. Leiden : Brill, 2024. 274 p.
17. Coghill E. The Rise and Fall of Ergativity in Aramaic: Cycles of Alignment Change. Oxford : Oxford University Press, 2016. 381 p.
18. Noorlander P.M. Ergativity and Other Alignment Types in Neo-Aramaic: Investigating Morphosyntactic Microvariation. Leiden; Boston : Brill, 2021. 456 p.

19. *The North-Eastern Neo-Aramaic Database Project*. URL: <https://nena.ames.cam.ac.uk/> (дата обращения: 01.12.2024).
20. *Lyavdansky A. et al. Christian Urmi Corpus*. URL: https://neo-aramaic.web-corpora.net/urmi_corpus/search (дата обращения: 01.12.2024).
21. *Lyavdansky A. et al. Turoyo Corpus*. URL: https://neo-aramaic.web-corpora.net/turoyo_corpus/search (дата обращения: 01.12.2024).
22. *Duntsov A., Häberl Ch., Loesov S. A Modern Western Aramaic Account of the Syrian Civil War* // *WORD*. 2022. № 68 (4). P. 359–394.
23. *Lyavdansky A., Kozhanov K., Ovsjannikova M. The Girl in the Ape's House: A Folktale in a North-Eastern Neo-Aramaic Variety of Urmiya, Russia* // *Journal of Semitic Studies*. 2024. № 69 (1). P. 231–267.
24. *Furman Y., Loesov S. Studies in the Turoyo Verb* // *Neo-Aramaic in its Linguistic Context* / ed. by G. Khan, L. Napiorkowska. Piscataway : Gorgias Press, 2015. P. 1–28.
25. *Fox S. The Neo-Aramaic Dialect of Bohtan*. Piscataway : Gorgias Press, 2009. 185 p.
26. *Основные итоги Переписи населения РА 2022 года*. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2623> (дата обращения: 30.11.2024).
27. *Итоги переписи населения Грузии 2014 года (2014 General Population Census Results)*. URL: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/737/2014-general-population-census-results> (дата обращения: 30.11.2024).
28. *Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками*. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 30.11.2024).
29. *Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. М. : Наука, 1967. 250 с.
30. *Большой толковый словарь русских глаголов* / [авт.-сост.: Л.Г. Бабенко и др.]; отв. ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс, 2009. 573 с.
31. *Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события*. М. : Языки славянской культуры, 2015. 368 с.
32. *Dowty D.R. Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht : Reidel, 1979. 415 p.
33. *Кустова Г.И., Падучева Е.В. Словарь как лексическая база данных* // *Вопросы языкознания*. 1994. № 4. С. 96–106.
34. *Levin B. English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. Chicago; London : The University of Chicago Press, 1993. 348 p.
35. *Kipper Schuler K. VerbNet: a broad-coverage, comprehensive verb lexicon* : PhD Thesis. University of Pennsylvania, 2005. 146 p.
36. *Majewska O., Korhonen A. Verb Classification Across Languages* // *Annual Review of Linguistics*. 2023. № 1 (9). P. 313–333.
37. *Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М. : ИМЛИ РАН, 2006. 462 с.
38. *Татевосов С.Г. Глагольные классы и типология акциональности*. М. : Языки славянской культуры, 2016. 568 с.

39. Khan G. The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vol. 3. Lexical Studies and Dictionary. Leiden, Boston : Brill, 2016. 366 p.
40. *BivalTyp*: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames / Ed. by S. Say. St. Petersburg : Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. URL: <https://www.bivaltyp.info> (дата обращения: 21.09.2024).
41. *Say S. Bivalent patterns in Assyrian Neo-Aramaic // BivalTyp*: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames / ed. by S. Say. St. Petersburg : Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. (Data first published on August 19, 2020). URL: <https://www.bivaltyp.info> (дата обращения: 21.09.2024).

References

1. Lyavdansky, A.K. (2009) The Neo-Aramaic languages. In: Belova, A., Kogan, L., Loesov, S. & Romanova, O. (eds) *Languages of the World: The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic*. Moscow: Academia. pp. 660–693. (In Russian).
2. Ovsjannikova, M. et al. (2022–present) *Corpus of NENA varieties spoken in Russia*. [Online] <https://nena-dict.ru/corpus> (Accessed: 21.09.2024).
3. Zabelina, E., Ovsjannikova M. & Say S. (2022–present) *Sound dictionary of NENA varieties spoken in Russia*. [Online] Available from: <https://nena-dict.ru/dictionary> (Accessed: 21.09.2024).
4. Say, S.S. (2020) Bivalent predicates' argument encoding in Neo-Aramaic varieties spoken in Urmiya, Krasnodar Krai. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 16 (2). pp. 654–689. (In Russian).
5. Shuvalova, V.P. (2023) Object marking in the Christian Urmi of the village Urmiya, Russia. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 19 (3). pp. 611–633. (In Russian).
6. Ermakova, D.A. (2021) [Verbal actionality in Neo-Aramaic varieties from the village of Urmiya (Krasnodar Krai)]. *Vosemnadtsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley* [The 18th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars]. Abstracts. Saint Petersburg. 25-27 November 2021]. Saint Petersburg: ILS RAS. pp. 84–87.
7. Shvedova, E.E. (2024) Causative verb alternation in Christian Urmi Neo-Aramaic. *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 5. pp. 110–140. (In Russian).
8. Kogan, L. (2015) *Genealogical Classification of Semitic: The Lexical Isoglosses*. Berlin/München/Boston: De Gruyter.
9. Beyer, K. (1986) *The Aramaic Language: Its Distribution and Subdivisions*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
10. Fitzmyer, J.A. (1979) *A Wandering Aramean: Collected Aramaic Essays*. Missoula: Scholars Press.
11. Loesov, S. (2009) The Aramaic languages. In: Belova, A., Kogan, L., Loesov, S., Romanova, O. (eds) *Languages of the World: The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic*. Moscow: Academia. pp. 414–495. (In Russian).
12. Hoberman, R. (1989) *The Syntax and Semantics of Verb Morphology in Modern Aramaic. A Jewish Dialect of Iraqi Kurdistan*. New Haven: American Oriental Society.

13. Khan, G. (2016) *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vol. 1. Grammar: Phonology and Morphology*. Leiden/Boston: Brill.
14. Häberl, Ch.G. (2009) *The Neo-Mandaic Dialect of Khorramshahr*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
15. Talay, Sh. (2008) *Neuaramäische Texte in den Dialekten der Khabur-Assyrer in Nordostsyrien*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
16. Molin, D. (2024) *The Neo-Aramaic Dialect of the Jews of Dohok*. Leiden: Brill.
17. Coghill, E. (2016) *The Rise and Fall of Ergativity in Aramaic: Cycles of Alignment Change*. Oxford: Oxford University Press.
18. Noorlander, P.M. (2021) *Ergativity and Other Alignment Types in Neo-Aramaic: Investigating Morphosyntactic Microvariation*. Leiden/Boston: Brill.
19. *The North-Eastern Neo-Aramaic Database Project*. [Online] Available from: <https://nena.ames.cam.ac.uk/> (Accessed: 01.12.2024).
20. Lyavdansky, A. et al. (2024) *Christian Urmi Corpus*. [Online] Available from: https://neo-aramaic.web-corpora.net/urmi_corpus/search (Accessed: 01.12.2024).
21. Lyavdansky, A. et al. (2024) *Turoyo Corpus*. [Online] Available from: https://neo-aramaic.web-corpora.net/turoyo_corpus/search (Accessed: 01.12.2024).
22. Duntsov, A., Häberl, Ch., Loesov, S. (2022) A Modern Western Aramaic Account of the Syrian Civil War. *WORD*. 68 (4). pp. 359–394.
23. Lyavdansky, A., Kozhanov, K. & Ovsjannikova, M. (2024) The Girl in the Apes House: A Folk tale in a North-Eastern Neo-Aramaic Variety of Urmiya, Russia. *Journal of Semitic Studies*. 69 (1). pp. 231–267.
24. Furman, Y., Loesov, S. (2015) Studies in the Turoyo Verb. In: Khan, G. & Napiorkowska, L. (eds) *Neo-Aramaic in its Linguistic Context*. Piscataway: Gorgias Press. pp. 1–28.
25. Fox, S. (2009) *The Neo-Aramaic Dialect of Bohtan*. Piscataway: Gorgias Press.
26. Statistical Committee of Armenia. (2022) *Osnovnye itogi Perepisi naseleniya RA 2022 goda* [Main results of the RA Population Census 2022]. [Online] Available from: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2623> (Accessed: 30.11.2024).
27. Statistical Committee of Georgia. (2014) *2014 General Population Census Results*. [Online] Available from: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/737/2014-general-population-census-results> (Accessed: 30.11.2024).
28. Rosstat. (2020) *Itogi VPN-2020* [Outcomes of the All-Russian Census of Population 2020]. Vol. 5. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (Accessed: 30.11.2024).
29. Apresyan, Yu.D. (1967) *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* [Experimental study of the semantics of the Russian verb]. Moscow: Nauka.
30. Babenko, L.G. (ed.) (2009) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov* [Big dictionary of Russian verbs]. Moscow: AST-Press.
31. Tatevosov, S.G. (2015) *Akcional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actionality in lexicon and grammar. Verb and event structure]. Moscow: Languages of Slavic Cultures.
32. Dowty, D.R. (1979) *Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel.

33. Kustova, G.I. & Paducheva, E.V. (1994) Dictionary as a lexical database. *Vo-prosy Jazykoznanija*. 4. pp. 96–106. (In Russian).
34. Levin, B. (1993) *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. Chicago/London: The University of Chicago Press.
35. Kipper Schuler, K. (2005) *VerbNet: a broad-coverage, comprehensive verb lexicon*. PhD Thesis. University of Pennsylvania.
36. Majewska, O. & Korhonen, A. (2023) Verb Classification Across Languages. *Annual Review of Linguistics*. 1 (9). pp. 313–333.
37. Lyutikova, E.A. et al. (2006) *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke* [Event structure and verbal semantics in Karachay-Balkar]. Moscow: IWL RAS.
38. Tatevosov, S.G. (2016) *Glagol'nye klassy i tipologiya akcional'nosti* [Verb classes and typology of actionality]. Moscow: YaSK.
39. Khan, G. (2016) *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Vol. 3. Lexical Studies and Dictionary. Leiden/Boston: Brill.
40. Say, S. (ed.) (2020) *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: ILS RAS. [Online] Available from: <https://www.bivaltyp.info> (Accessed: 21.09.2024).
41. Say, S. (2020) Bivalent patterns in Assyrian Neo-Aramaic. In: Say, S. (ed.) *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: ILS RAS. [Online] Available from: <https://www.bivaltyp.info> (Accessed: 21.09.2024).

Сведения об авторе:

Шведова Елена Евгеньевна – стажёр-исследователь Международной лаборатории языковой конвергенции, аспирант школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (Москва, Россия). E-mail: shvedovalena98@gmail.com.

Information about the author:

Elena E. Shvedova, research assistant, Linguistic Convergence Laboratory, postgraduate student, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: shvedovalena98@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 09.10.2024;
одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 10.12.2024.*

*The article was submitted 09.10.2024;
approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 10.12.2024.*

ЭЛЕКТРОННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ELECTRONIC LEXICOGRAPHY

Научная статья

УДК 811.161.1`27

doi: 10.17223/22274200/34/4

Региолектная лексикография: проблемы и их решение в эпоху цифровизации

Виктория Викторовна Казяба¹, Роман Васильевич Попов²

*^{1,2} Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Северодвинск, Россия*

¹ kazaba@yandex.ru

² r.popov@narfu.ru

Аннотация. Обсуждаются проблемы, связанные со словарным представлением русских региолектов, исследование которых находится еще в стадии становления. На примере существующих словарей рассматриваются трудные вопросы лексикографирования регионализмов: сбор и верификации лексем – кандидатов в словник, состав и структура словника, принципы построения словарной статьи, подбор и характер иллюстративных примеров, разработка системы словарных помет. Предлагаются решения этих проблем путем обращения к цифровым инструментам, в частности к технологии больших данных.

Ключевые слова: региолект, регионализм, региональная лексика, региолектный словарь, цифровизация в лексикографии, большие данные, корпус, социальные медиа

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-10074, <https://rscf.ru/project/23-28-10074/>

Для цитирования: Казяба В.В., Попов Р.В. Региолектная лексикография: проблемы и их решение в эпоху цифровизации // Вопросы лексикографии. 2024. № 34. С. 62–82. doi: 10.17223/22274200/34/4

Original article

doi: 10.17223/22274200/34/4

Regiolect lexicography: Problems and their solutions in the age of digitalization

Viktoria V. Kaziaba¹, Roman V. Popov²

*^{1, 2} Northern (Arctic) Federal University,
Arkhangelsk, Severodvinsk, Russian Federation*

¹ kazaba@yandex.ru

² r.popov@narfu.ru

Abstract. The article examines the development and transition from traditional dialect lexicography to regiolect studies. The authors consistently reveal the formation of regiolectography, demonstrate the evolution of the term "regiolect", analyze and compare current regiolectographic trends in Russian, European, and American lexicography. The article offers a broad overview of currently available poly- and mono-regiolect dictionaries, the material of which is usually drawn from a clearly defined territorial area and is limited mainly to the boundaries of one city, less often a region. Based on the analysis of lexicographic sources, as well as their own lexicographic experience, the authors establish two levels of difficulties in regiolect lexicography. Problematic aspects of the microlevel are associated with lexicographic parameterization, description and subsequent design of the dictionary and its entries. At this level, the dilemmas of dictionary content are considered: placement in one dictionary of regional appellatives, toponyms and microtoponyms, and their referential and conceptual meanings. The solution to these microlevel questions cannot be unambiguous since it depends both on lexicographers and on the concept of the dictionary being compiled and the available regional material. The problems of macrolevel regiolect lexicography are determined by the creation of a lexicographic database (at the methodological, procedural and source fields). At this level, the most labor-intensive tasks of lexicographers are: searching for and compiling a database of regiolect lexemes, establishing their motivational bases, selecting illustrations of the meaning and features of the use of units of interest. These lexicographic processes can be facilitated, accelerated or even fully implemented thanks to their digitalization. As an example, a case study of a project to compile a regiolect dictionary of the Arkhangelsk city is given. In the work on the dictionary, the authors choose the big data technology as leading method. More than half a million of texts and comments to them from 46 regional social media, as well as the results of remote automated surveys of informants serve as source of data. Search, collection, aggregation and analysis of lexemes-candidates for the dictionary and illustrative examples are carried out in a specially created multifunctional web application, which also allows statistical and

geolocation data processing. Digitalization of lexicographic processes helps to correct semantics, clarify grammar and stylistic affiliation of regional lexemes, and identify their connotations. The prospect of such work may be dictionary atlases of cities, subsequently united into a single large network in digital format.

Keywords: regiolect, regionalism, regional vocabulary, regiolect dictionary, digitalization in lexicography, big data, social media, corpus, social media.

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-10074, <https://rscf.ru/project/23-28-10074/>

For citation: Kaziaba, V.V. & Popov, R.V. (2024) Regiolect lexicography: Problems and their solutions in the age of digitalization. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 34. pp. 62–82. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/34/4

На пути к региолектной лексикографии

В начале XXI в. в региональной лексикографии русского языка начинает формироваться новое направление – словарное описание региолектов. Сегодня изданы словари, в которых объектом лексикографирования являются регионализмы (региолектизмы). В отличие от диалектизм, бытующих преимущественно в местных говорах, региолектизмы используются в языке региона в целом, в том числе в городском узусе.

За рубежом предвестники региолектного вектора в лексикографии появились в конце 1980-х гг. В 1985 вышел в свет 1-й том словаря американского регионального английского языка [1], где впервые были зафиксированы слова и выражения, присущие отдельным американским городам и их районам. На Мангейнском симпозиуме «Исследование городского языка» (1987) прозвучали доклады, проблематизирующие региолектные явления районов Богемии и Зандхофена, городов Падерборн и Кёльн [2]. Несмотря на это, термины «региолект» и «регионализм» почти не использовались в научном обиходе. В России понятие «региолекты» впервые применил В.И. Трубинский в 1991 г., обозначив их как «переходные от диалектов к литературному языку полудиалектные-просторечные языковые сферы» [3. С. 157]. Впоследствии эту идею поддержал А.С. Герд [4], но до сих пор феномен региолекта остается дискуссионным. И здесь важно принять два принципиальных положения: 1) региолект служит для повседневного общения людей разного возраста, сельских и городских жителей раз-

личного уровня образования, в то время как диалект «исторически с точки зрения социальной – это прежде всего язык крестьян» [4. С. 49]; 2) региолект не является отдельным языковым идиомом сравнительно с диалектом – в обиходной речи употребляются лишь отдельные элементы региолекта: можно говорить о регионально отмеченных разговорно-литературных и разговорно-сниженных единицах, социальных и профессиональных жаргонизмах и бывших диалектизмах, повышающих в региолекте статус до общеизвестных в ареале. Все эти единицы объединяет неповсеместность их распространения на русскоязычном пространстве.

В русистике под региолектом понимают совокупность ареально ограниченных языковых элементов, бытующих в пределах одной области, одного региона, хотя это известное упрощение. Конкретный региолект имеет свой ареал, но не замыкается в границах одной области или края. В то же время региолект «не повторяет классического диалектного членения русского языка» [4. С. 49]. Так, архангельский региолект определяется границами Архангельской области, но это не значит, что зафиксированные здесь лексические регионализмы, например *калитка* ‘ватрушка из ржаного теста с защипами по краям’; *шаньга* ‘ватрушка без защипов по краям, с начинкой’, не встречаются в других региолектах. Выявить ареал конкретной лексики – одна из задач лингворегионалистики и региолектной лексикографии. Ареалы могут быть обширными или сравнительно небольшими, далекими (независимыми) или смежными, с четкими или размытыми границами, с ядром и периферией, с общеизвестными или неизвестными в ареале единицами [5. С. 82–83].

Таким образом, выделяются широкие и узкие регионализмы. К последним относятся территориально маркированные единицы, характерные для одного или двух независимых ареалов. Однако в эпоху развития интернета и миграции населения узкие регионализмы (или локализмы), очевидно, явление нечастое.

В советском языкознании регионализмы почти не изучались. Известно лишь несколько работ этого направления [6–9]. Из исследований постсоветского времени заслуживает вдумчивого прочтения монография Н.А. Прокуровской [10]. В толковой лексикографии советского периода регионализмы в качестве словарного объекта не регистрировались, а применяемая помета *обл.* «областное» была связана только с диалектизмами, как, впрочем, и в настоящее время. Тем не

менее отдельные регионализмы – и раньше, и сейчас – проникают в прескриптивные словари. Часто это происходит неосознанно для их составителей. В.И. Беликов [11] отмечает, что в толковых словарях за повсеместную норму выдаются московские и петербургские регионализмы, которые описываются без маркирующих помет. Так, в «Большом толковом словаре русского языка», подготовленном в Санкт-Петербурге, встречаются *панель* ‘тротуар’; *парадное* ‘главный вход [в здание]’ – ср.: *подъезд*; *поребрик* ‘окаймление края тротуара’ – ср.: *бордюр*; *точечный дом* ‘высотный односекционный дом’ – ср.: *свечка*, *башня* и др. [12].

Немало регионализмов, в том числе немаркированных, содержится в дескриптивных словарях, например словарях просторечий и жаргонов. В «Словаре диалектного просторечия Среднего Приобья» помещаются следующие регионализмы: *гаманок* ‘кошелек’; *грибница* ‘грибной суп’; *занавешать* ‘закрывать занавеской, завесить’; *уделать* ‘испачкать, загрязнить’ и др. [13].

Интерес к регионально окрашенной лексике поддерживается и рядовыми носителями языка, которым важно знать о специфике языка своего региона, поскольку регионализмы выполняют «прежде всего функцию сохранения “нематериального культурного наследия”» [14. С. 73]. В местной и центральной прессе публикуются материалы о регионализмах (ср.: проект «Комсомольской правды» [15]); в региональных медиа републикуются составленные лингвистами списки слов, которые считаются регионализмами в той или иной местности [16].

Сказанное свидетельствует о растущем внимании к феномену регионализмов, одновременно обнажая ряд теоретико-методологических и практических проблем, связанных с анализом и обработкой данного лексического пласта. Таким образом, цель настоящей статьи состоит в освещении актуальных вопросов словарного описания регионализмов, а также в уточнении возможностей применения цифровых технологий в региональной лексикографии с их последующей апробацией в автоматизированном процессе создания региолектного словаря.

Сегодня поиск и выработка общих принципов и методики составления региолектных словарей идет в следующих направлениях:

1) региолектизмы фиксируются наряду со словами других лексико-стилистических категорий в **общих** недифференциальных словарях языка одного города;

2) издаются **специализированные** дифференциальные словари только региолектных единиц конкретного ареала (монорегиолектные словари) [17];

3) реализуется идея создания полирегиолектных словарей;

Что касается общих словарей языка одного города, включающих в свой состав региолектизмы, то пока таких изданий всего два. Омский «Словарь современного русского города» [18] начитывает около 12 000 слов и идиоматических выражений. Из них 264 единицы – это неофициальные микротопонимы, которые являются разновидностью регионально окрашенной лексики, ср.: *Чикаго* – ‘Чкаловский поселок’. В связи с этим примером мы вынуждены остановиться на одном нерешенном вопросе, касающемся объема понятия «лексический регионализм». Согласно первой, более узкой его трактовке, регионализмами называют только апеллятивы, «отличая их от топонимов и другой регионально смещенной лексики» [5. С. 87] – ср.: «...не регионализмы, но другие виды регионально смещенной лексики, прежде всего, топонимы и прочие регионально значимые именованные сущности» [5. С. 89]. В «Словаре современного русского города» региональные апеллятивы не маркируются специальными пометами, хотя тоже регистрируются, ср. замеченные нами *барабуля* ‘картофель’; *ма́стерка* ‘верхняя часть спортивного костюма’ при общеузуальной *олимпийке*; *чунька* ‘неопрятный человек’. По второму, широкому понятию регионализмов в их состав могут быть включены региональные топонимы, в том числе неофициальные ойконимы.

В словаре народно-разговорной речи Архангельска описываются около 3 000 просторечных слов [19]. Среди них с помощью пометы *арханг.* выделяются неофициальные урбанонимы (микроурбанонимы), ср.: *Привоза, Привокзалка* ‘привокзальный район Архангельска’. Пометой *диал.* маркируется диалектная лексика, бытующая в языке горожан. Для части ушедших диалектных слов введена помета *помор.*, которая обозначает поморскую лексику, связанную в первую очередь с морским промыслом, мореходством, бытом поморов. В словаре встречаются и немаркированные архангельские региолектизмы, например: *патент* ‘застёжка-молния’ – ср.: *зме́йка*; *сейгошный* ‘этого года’ (от *сейгод*); *халява* ‘неопрятный человек’ и др.

Особо отметим материалы к словарю русской региональной лексики «Языки русских городов» [20]. Это электронное издание – первый полирегиолектный словарь, в который вошли 1 217 регионализмов, употреб-

ляющихся в лексике разных российских городов. К сожалению, сейчас словарь не доступен ни по прежней ссылке, ни на портале «Языки Городов и Людей», где одно время он восстанавливался [21].

Дифференциальные монорегиолектные словари представлены 17 работами, описывающими регионализмы 12 городов: Петербурга [22; 23], Смоленска [24], Пскова [25], Екатеринбурга [26; 27], Уфы [28], Йошкар-Олы [29], Стерлитамака [30], Орла [31], Перми [32], Новосибирска [33], Северодвинска [34], Чебоксар [35]. Наблюдение над принципами построения этих словарей, составом словника, техникой написания словарных статей позволяет наряду с достижениями указать на трудности, которые возникли у региональных лексикографов, а также наметить возможные пути решения этих проблем.

Проблемные аспекты региолектного лексикографирования

Предлагаем выделить две основные группы проблем региолектного лексикографирования:

- 1) трудности макроуровня, обусловленные созданием лексикографической базы данных (на методологическом, процедурном и источниковых уровнях);
- 2) трудности микроуровня, связанные с лексикографической параметризацией, дескрипцией и последующим дизайном всего словаря и его словарных статей.

Предлагаем индукционный путь рассмотрения проблемных аспектов. Хотя существующие на данный момент примеры решения трудностей микроуровня не поддаются унификации, их анализ способствует выработке единого подхода к вопросам макроуровневого порядка. Итак, обратимся к проблемам, связанным с формированием словника. В большинстве дифференциальных словарей в качестве единиц региолекта описываются главным образом неофициальные микропонимы; реже они фиксируются наряду с регионализмами-апеллятивами. Такие регионимы не закреплены в официальных документах, не нанесены на карты, они возникают конвенционально, функционируют в разговорно-обиходном языке. Так, во многих городах есть свой *Белый дом* ‘здание администрации’; *Простоквашино* ‘новый микрорайон, отдаленная от центра застройка’ *Три богатыря* ‘три рядом стоящих дома одинаковой постройки’ (варианты: *Три поросенка*, *Три сестры*) и под.

В диалектных и нормативных толковых словарях русского языка, как известно, описываются только апеллятивы. Однако, например, П.Н. Денисов считал это недостатком нашей лексикографии, так как «топонимы и в особенности микротопонимы составляют важную часть не только современной лексики, но и истории культуры» [36. С. 48–49].

Размещение в одном словнике региональных апеллятивов и топонимов научно необходимо, тем более что значительная часть неофициальных топонимов аналогичны словам или словосочетаниям литературного языка, но имеют при этом другие значения: *Яма* – ‘район города, расположенный в низине’, *Идея* – ‘район, где расположен одноименный большой торговый центр’ [37. С. 214]. К регионализмам относятся и неофициальные ойконимы – имена населенного пункта. За редким исключением (ср. астионимы *Питер*, *Владик*) они неизвестны за пределами региона. Так, по нашим данным, Архангельск в региональном дискурсе именуют *Архом*, *Архском*, *Архарой*, *Архаровском*, *Архарем*, *Лос-Ангельском*, *Ангельском* и др. Многие из региональных топонимов ни разу не фиксировались словарями, хотя существуют десятки лет, относятся к образно-экспрессивному фонду русского языка. Речь идет об универсальных именах, повторяющихся в лексике разных городов. Референтное значение такого микротопонима (например, *Белый дом*), представляющее характерные признаки конкретной реалии, для жителя того или иного населенного пункта всегда будет иметь локальную и региональную маркированность. В то же время концептуальное, или понятийное, значение, которое отражает совокупность общих существенных признаков денотативно схожих в разных городах объектов, называемых этим именем, обладает общеязыковым содержанием. Монорегиолектные словари фиксируют только референтные значения конкретных микротопонимов. Поправить ситуацию, как справедливо замечено Т.Г. Никитиной [38; 39], может издание сводного словаря неофициальных микротопонимов русскоязычных городов.

Другие лексикографические дилеммы касаются оформления словарных статей. Отметим некоторые спорные вопросы и проиллюстрируем возможности их решения ссылками на лексикографические работы:

– надо ли фиксировать собственные и нарицательные имена в одном словнике или в разных разделах (ср.: [29; 33]);

– необходимо ли вводить особые пометы или использовать разные регистры орфографической записи для маркирования микротопонимов и апеллятивов в одном словнике (ср.: [34]);

– как следует оформлять словарные статьи полиреферентных микротопонимов, широкозначных в рамках языка конкретного города (ср.: [40. С. 12]).

Решение данных вопросов, зависит от концепции составляемого словаря и доступного региолектного материала. Следовательно, едва ли можно найти на них однозначные ответы. Дискуссионным до сих пор остается вопрос о необходимости «вскрывать» мотивационные основы микротопонимов. Мотивирующий признак таких единиц – важный компонент их дефиниций, это та самая «точка отсчета», указывающая, какой признак и почему лег в основу имени денотата [41. С. 34–35]. Ответа требует и проблема иллюстрирования значения, особенностей употребления регионализмов, включая микротопонимы. Существующие моно-региолектные словари практически не сопровождаются речевыми примерами (ср.: [25]). Коннотации и социолингвистические характеристики последних фиксируются лишь в единичных работах (ср.: [34]).

Обозначенные трудности неразрывно связаны с макроуровневыми процессами по созданию словарной базы. Поиск, отбор, обработка региолектных единиц и их вербальных иллюстраций сегодня могут быть в значительной мере облегчены благодаря цифровым технологиям.

Цифровые технологии в архангельской региолектграфии

Магистральная задача макроуровня лексикографической работы, а именно определение источников и сбор материала для базы региолектного словаря, представляется наиболее принципиальным вопросом и требует «надежных регионально маркированных источников, причем в том количестве, которое позволяет выносить статистически значимые суждения» [5. С. 87]. Сегодня эта задача может быть успешно решена путем обращения к цифровым социальным медиа. Тот факт, что региолекты проникают в медиапространство, отмечался еще задолго до всплеска развития Глобальной сети (ср.: [42]). Социальные медиа как информационно-коммуникационные платформы предоставляют возможность свободного создания контента любым пользователям. Первостепенной задачей лексикографа становится

вычленение из огромного множества социальных медиа лишь тех, которые релевантны региолектному дискурсу.

На примере проекта «Анализ имиджа города Архангельска в социальных медиа с помощью технологий больших данных», осуществляемого по гранту РНФ (2023–2024 гг.), продемонстрируем, как решаются и фасилитируются лексикографические задачи макроуровня с помощью цифровых инструментов и технологий.

Одна из целей проекта – составление словаря региональной лексики Архангельска как неотъемлемой части его вербального имиджа и бренда. На первом этапе сбор материала был реализован с помощью онлайн-анкетирования через Google-формы и Яндекс-формы. Цифровой формат социолингвистической работы позволил не только охватить большее количество интересующих информантов, но и сделать процесс опроса более комфортным. Респонденты имеют достаточно времени на размышление, что в результате приводит к развернутым ответам. Проиллюстрируем сказанное примерами ответов¹ на вопрос *«Имеют ли районы (или микрорайоны) Архангельска неофициальные названия? Какие? Почему они так называются?»* из Google-формы:

1. *«Привоз» (сокращенное название Привокзального района), «Мексика» (так называют Маймаксу из-за отдаленности этого района и криминальной «славы»), «Шанхай» – район деревяшек на пересечении проспекта Обводного канала и улицы Розинга (назван так из-за ассоциации с Шанхайскими трущобами).*

2. *Сульфат – Северный округ. Его так называют давно. Это наименование так закрепилось, что стало почти что официальным, хотя это не так. Все потому, что раньше там находился бумажно-сульфатный завод.*

Целесообразно предлагать информантам опросник, с помощью которого выявляется и региональная апеллятивная лексика. Например: *Как называют стержень шариковой ручки? Как в вашей местности называют неаккуратного человека, неряху?* Жители Архангельска в качестве ответов приводят соответствующие регионализмы – *настик, халява*.

Далее каждую единицу необходимо пропустить сквозь «сито» текстов социальных медиа региона, чтобы подтвердить ее региолектный статус, а также решить ряд лексикографических задач. В нашем слу-

¹ Здесь и далее оригинальная пунктуация и орфография информантов и авторов сохранены.

чае для этого потребовалось сформировать корпус из 46 социальных медиа различных форматов и типов, в которых доминанту образует урбанистический дискурс Архангельска. Источниками выступили коммуникационные, информационно-развлекательные и потребительские социальные медиа, представленные личными страницами представителей власти, локальных лидеров мнений, городскими новостными порталами и пабликами официального и неофициального уровня, туристическими организациями, сайтами отзывов [43].

Командой проекта было создано веб-приложение, которое агрегирует коррелирующие с городским дискурсом тексты из обозначенных источников на основе разработанного списка триггерных слов-регионализмов (например, «Архар*», «Привоз*», «пастик*», «халыв*»). Полученные большие данные позволяют осуществлять полексемную проверку собранных единиц – кандидатов в регионализмы, определять степень их частотности, а для сельских диалектизмов – «вitalность» [14. С. 73] в составе региолекта, диапазон функционирования. Так, на рис. 1 демонстрируется, как задаются объективные параметры (источники, временные периоды, типы автоматизированного поиска) для сбора примеров употребления микроурбанонима *Сульфат* (Северный округ Архангельска).

PreviewText

Home

Новости

Комментарии

Анализ текста

Источники

Группы

Глобальные

Статистика

Поиск по новостям

Сульфат

Полнотекстовый поиск

Без учета регистра

Косинусное расстояние

от 01.01.2022

до 28.07.2024

Найти

Результатов найдено - 601. Отображены первые 100

Слова для поиска: сульфата, сульфатам, сульфатами, сульфате, сульфаты, сульфатом, сульфату, сульфаты, сульфат

Жесть Архангельск

Ссылка на новость в источнике - https://vk.com/idea29?wall=56466872_105055

Индекс соответствия запросу - 1

id - 1704655

Индекс просмотров новости - нет

Дата новости - 16.05.2024 04:03:36

Количество просмотров - 26159

Количество репостов - 100

Количество лайков - 43

Количество дизлайков - 0

Группы

Закроют пикет на Сульфат для ремонта уже завтра.

С 9:00 до 12:00, а может и дольше.

Показать комментарии

Жесть Поморья: Архангельск Северодвинск регион

Ссылка на новость в источнике - https://vk.com/ghost29?wall=10264326_1964869

Индекс соответствия запросу - 1

id - 1704814

Индекс просмотров новости - нет

Дата новости - 16.05.2024 03:59:00

Количество просмотров - 16010

Количество репостов - 31

Количество лайков - 13

Количество дизлайков - 0

Группы

Завтра пикет на Сульфат на время закрыт. Об этом рассказали в администрации.

Рис. 1. Интерфейс веб-приложения для полексемного поиска употребления микроурбанонима *Сульфат* – кандидата в регионализмы в публикациях социальных медиа

72

Результаты позволяют отследить распространенность интересующей единицы в конкретных социальных медиа и с позиции ее реального геоцентрирования благодаря автоматическому анализу геометок и хештегирования публикаций (рис. 2).

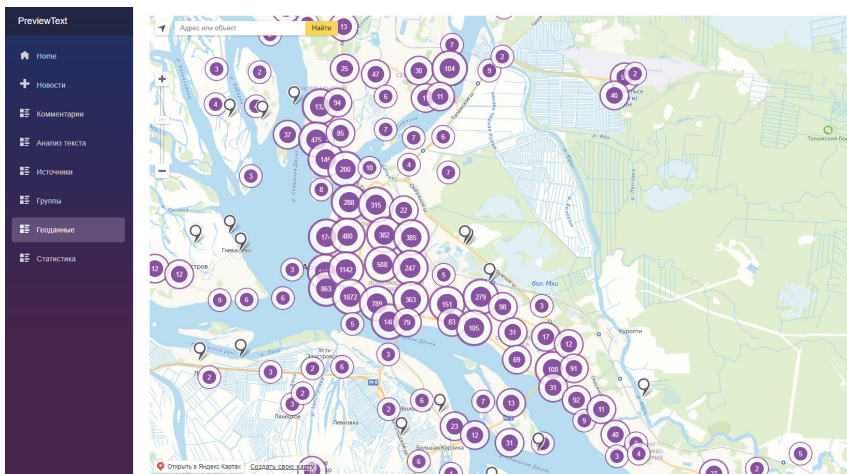

Рис. 2. Интерфейс веб-приложения для геолокационного анализа употребления микроурбанонима *Сульфат*

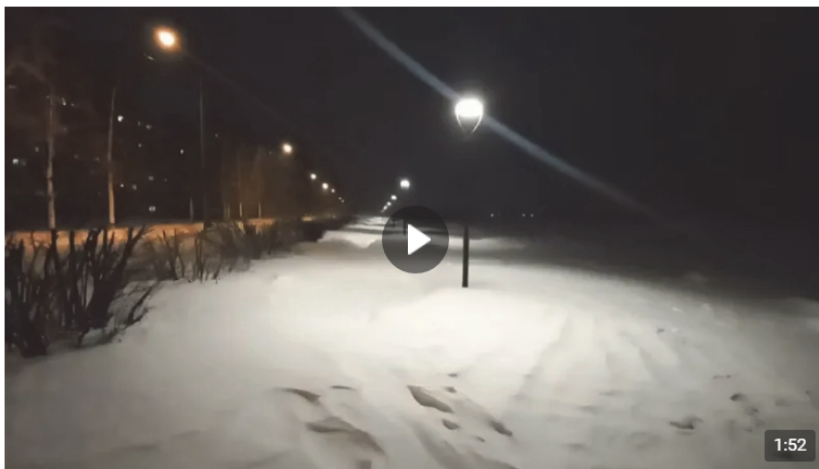
На рис. 3 показан один из обнаруженных примеров употребления микроурбанонима *Сульфат*. Текстовые иллюстрации из социальных медиа помогают верифицировать метаязыковые суждения лексикографа, а также позволяют в ряде случаев определить возраст носителей языка, использующих региолект.

Коротко и по делу | Михаил Шишов | Архангельск
17 фев в 21:46

Пляж на Сульфате заброшен: не чистится, фонари не горят, так и не доделан.

Видео от Коротко и по делу | Михаил Шишов | Архангельск
2 856 просмотров

33

Отправить донат

Нравится

3

3.1K

Рис. 3. Пример найденной текстовой иллюстрации с микроурбанонимом
Сульфат – кандидатом в регионализмы
(URL: https://vk.com/archangelregion?w=wall-122998519_72665, 28.07.2024)

Ценный источник материала – многочисленные комментарии пользователей к отобранным текстам. В веб-приложении предусмотрена функция полексемного поиска только по комментариям, что позволяет отыскивать все контексты употребления регионализмов и в дальнейшем выбрать наиболее показательные речевые примеры для иллюстративной зоны словаря (рис. 4). Материал комментариев используется для уточнения, проверки и корректировки семантики, грамматики, стилистической принадлежности и коннотаций региолектных лексем.

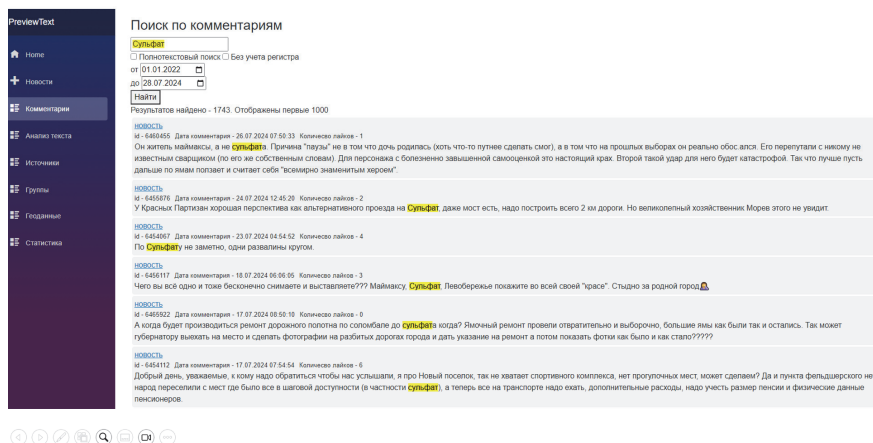

Рис. 4. Интерфейс веб-приложения для полексемного поиска употребления микроурбанонима *Сульфат* – кандидата в регионализмы в комментариях социальных медиа

Заключение

Региолектная лексикография находится в стадии активного становления, выработки собственного терминологического и методологического аппарата. Цифровые технологии в виде больших и корпусных данных служат эффективным инструментом лексикографирования прежде всего при формировании словника и верификации словарных единиц, уточнении толкования значения вокабул, их коннотативных оттенков и функционально-стилистического статуса, определении статистической частотности регионализмов и степени устаревания ряда лексем. Также резко снижаются временные затраты при подборе примеров употребления регионализмов в разных контекстах, значительно увеличивается количество источников, к которым обращается лексикограф. В результате с большей полнотой отражается состояние региолекта, что позволяет создавать словарное произведение, обладающее качествами объемности и достоверности. Обозримой перспективой подобной организации работы могут стать словарные атласы городов, объединенные впоследствии в единую крупную

сеть в цифровом формате (ср.: [44]), для чего в российской лексикографии имеются все предпосылки и возможности.

Список источников

1. *The Dictionary of American Regional English* : Vol. I / F.G. Cassidy, J.H. Hall, L. Von Schneidmesser. Harvard : Belknap Press of Harvard University Press, 1985. 1175 p.
2. *Stadtsprachenforschung*. Unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse der Stadt Straßburg in Spätmittelalter und früher Neuzeit (Göppinger Arbeiten zur Germanistik) : Vorträge des Symposiums vom 30. März bis 3. April 1987 an der Universität Mannheim / G. Bauer [Hrsg.]. Göttingen : Kümmerle, 1988. 488 s.
3. *Трубинский В.И.* Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков : ПГПИ, 1991. С. 156–162.
4. *Герд А.С.* Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. М. : Азбуковник, 2001. Вып. 1. С. 45–52.
5. *Беликов В.И., Дубяга А.О., Рванова Л.Ю., Селегей В.П.* Корпусная региональная лексикография: принципы, методы и предварительные результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог». М. : РГТУ, 2021. Вып. 20. С. 79–93.
6. *Михалар К.П.* О неофициальных именах собственных (на материале нелитературного просторечия) // Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров : сб. науч. ст. Красноярск : Краснояр. ГПИ, 1979. С. 89–97.
7. *Ерофеева Т.И.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи : учеб. пособие по спецкурсу. Пермь : ПГУ, 1979. 92 с.
8. *Помыкалова Т.Е., Шишкина Т.Я., Шкатова Л.А.* Наблюдения над речью жителей г. Челябинска (к проблеме «язык города») // Городское просторечие: проблемы изучения. М. : Наука, 1984. С. 162–167.
9. *Кочеренкова С.Д.* Неофициальные наименования пространственных объектов Свердловска (способы номинации) // Языковой облик уральского города : сб. науч. тр. Свердловск : УрГУ, 1990. С. 79–90.
10. *Прокуровская Н.А.* Город в зеркале своего языка: На языковом материале Ижевска. Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 1996. 224 с.
11. *Беликов В.И.* Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня : Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 2004. С. 23–38.
12. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998.
13. *Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья* / ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 307 с.
14. *Ретинская Т.И.* Региональный художественный текст как основа региолектографирования (на материале шампанского и арденнского региолектов) // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 3. С. 73–76.

15. 150 региональных словечек, которые введут в ступор москвичей // Комсомольская правда. 2018. 14 марта. URL: <https://www.kp.ru/daily/26342.7/3222103/> (дата обращения: 20.07.2024).

16. *Как говорится*: местные слова в разных регионах России // Яндекс. Дзен, 2021. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words> (дата обращения: 25.07.2024).

17. Теркулов В.И. Словарь региолекта : принципы и методики составления // Современная регионалистика : традиционные подходы и новые направления : сб. ст. II Межд. научн. конф. Surgut : СГПУ, 2021. С. 82–94.

18. *Словарь современного русского города* / под ред. Б.И. Осипова. М. : Русские словари: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003. 565 с.

19. *Словарь народно-разговорной речи Архангельска*: в 3 т. / под ред. О.Е. Морозовой. Архангельск : ИПЦ САФУ, 2013. Т. 1: Городское просторечие. 204 с.

20. *Языки русских городов*: материалы к словарю русской региональной лексики, ABBY online проект / под ред. В.И. Беликова // ABBY Lingvo X3 ME (Medved Edition): CD. М. : ABBYY, 2008.

21. *Языки Городов и Людей (ЯГeЛь)*. 2006. URL: int.webcorpora.ru/reg2/index.php (дата обращения: 10.09.2024).

22. Синдаловский Н.А. Словарь петербуржца: лексикон Северной столицы, история и современность. М. : Центрполиграф; СПб. : Русская тройка, 2014. 635 с.

23. Лурье В.Ф. Микротопонимика Ленинграда–Питера. URL: www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/I_AM/microtop.html (дата обращения: 10.07.2024).

24. Бутеев Д.В., Сергеев В.Ю., Сибиченков А.Г. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска / ред. В.В. Никифорова. Смоленск : Маджента, 2014. 336 с.

25. Никитина Т.Г., Розалева Е.И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М. : Эллис, 2006. 384 с.

26. Попова Т.В., Ахунова В.Р., Осадчая Т.Н. Регионализмы г. Екатеринбурга: словарь / под ред. Т.В. Поповой. Екатеринбург : Урал. гос. технич. ун-т, 2007. 35 с.

27. Клименко Е.Н., Попова Т.В. Словарь екатеринбуржца: неофициальные названия городских реалий. Екатеринбург : Урал. гос. лесотехнич. ун-т, 2012. 132 с.

28. Вахитов С.В. Словарь уфимского сленга начала XXI века. Уфа : Вагант, 2008. 154 с.

29. Липатов А.Т., Журавлев С.А. Региональный словарь субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл). М. : Эллис, 2009. 288 с.

30. Шарипова О.А. Словарь языка города (региональный аспект: г. Стерлитамак, Республика Башкортостан). Стерлитамак : Стерлитамак. фил. Башкир. гос. ун-та, 2012. 165 с.

31. Костромичёва М.В. Орловский региональный социолект: материалы к словарю. Орёл : Орлов. гос. ун-т, 2009. 32 с.

32. *По-пермски говоря*: словарь пермских слов и выражений / науч. ред. И.А. Подюков. 2-е изд., испр., доп. Пермь : Слово, 2013. 126 с.

33. Ливинская И.В., Матвеев А.И. Словарь региональной лексики и народных топонимов города Новосибирска. 2-е изд., стереотип. Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2016. 160 с.

34. Попов Р.В. Как это будет по-северодвински?: словарь местной лексики Северодвинска. 2-е изд. Северодвинск : САФУ, 2020. 287 с.

35. Фомин Э.В., Ерина Т.Н. «На следующей оставьте!»: словарь чебоксарского диалекта русского языка. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2022. 84 с.

36. Денисов П.Н. Единицы словаря // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сб. ст. / отв. ред. Ю.Н. Караулов М. : Наука, 1988. С. 48–52.

37. Магеромова Ю.Ю. Неофициальные топонимы как семантические регионализмы (на примере диалекта г. Магадана) // Проблемы филологии, перевода и методики преподавания в свете межкультурной коммуникации: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Магадан, 15 октября 2020 г.). Красноярск : Научно-инновационный центр, 2021. С. 213–216 URL: http://nkras.ru/arhiv/2021/problems_of_philology.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

38. Никитина Т.Г. Городской топонимикон: уникальное и универсальное (на материале г. Пскова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72) : в 3 ч. Ч. 2. С. 128–130.

39. Никитина Т.Г. Топонимическое пространство города: «культурные слои» в лексикографическом отображении // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 2. С. 180–193.

40. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2017. Т. 1. 528 с.

41. Осипов Б.И., Боброва Г.А., Имедадзе Н.А., Кривоzubова Г.А., Одинцова М.П., Юнаковская А.А. Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: теоретические аспекты. Омск : Изд-во ОГУ, 1994. 144 с.

42. Reinert-Schneider G. Dialekt-Renaissance? [Deckeltitel: Erlebt die Mundart einen Aufschwung? Gibt es eine Dialekt-Renaissance?] // Überlegungen und Analysen zu Funktionen der Substandardvarietäten in den Massenkommunikationsmitteln, untersucht am Beispiel des Kölner Raumes. Köln : Verlag J. P. Bachem, 1987. 250 s.

43. Казяба В.В., Щитицина Л.Ю. Urban – media – verbal: теоретическая модель вербального имиджа города в социальных медиа // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Т. 9, № 4. С. 4-30.

44. *Sprachgeographie* digital. Die neue Generation der Sprachatlanten. Hildesheim u.a. // Germanistische Linguistik : Heft 190–191 / S. Elspaß, W. König (Hg.). Hildesheim, Zürich, New York : Georg Olms, 2008. VI. 276 s.

References

1. Cassidy, F.G., Hall, J.H. & Von Schneidmesser, L. (1985) *The Dictionary of American Regional English*. Vol. I. Harvard: Belknap Press of Harvard University Press.

2. Bauer, G. (ed.) (1988) *Stadtsprachenforschung. Unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse der Stadt Straßburg in Spätmittelalter und früher*

Neuzeit [Urban language research. With particular reference to the situation in the city of Strasbourg in the late Middle Ages and early modern times]. Vorträge des Symposiums vom 30. März bis 3. April 1987 an der Universität Mannheim. Göppingen: Kümmerle.

3. Trubinskii, V.I. (1991) Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniya [Modern Russian regional dialects: signs of formation]. In: *Pskovskie govory i ikh okruzhenie* [Pskov dialects and their environment]. Pskov: PSPI.

4. Gerd A.S. (2001) Neskol'ko zamechanii kasatel'no ponyatiya "dialekt" [Several remarks concerning the concept of "dialect"]. *Russkii yazyk segodnya*. 1. pp. 45–52.

5. Belikov, V.I., Dubyaga, A.O. et al. (2021) [Corpus regional lexicography: principles, methods and preliminary results]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intellectual technologies]. Proceedings of the annual international conference "Dialog". Issue 20. Moscow: RSUH. pp. 79–93. (In Russian).

6. Mikhalap, K.P. (1979) O neofitsial'nykh imenakh sobstvennykh (na materiale neliteraturnogo prostorechiya) [On unofficial proper names (based on non-literary colloquial speech)]. In: *Problemy leksikologii, frazeologii i leksikografii sibirskikh govorov* [Problems of lexicology, phraseology and lexicography of Siberian dialects]. Collection of scientific articles. Krasnoyarsk: KSPI. pp. 89–97.

7. Erofeeva, T.I. (1979) *Lokal'naya okrashennost' literaturnoi razgovornoj rechi* [Local coloring of literary colloquial speech]. Perm: PSU.

8. Pomykalova, T.E., Shishkina, T.Ya. & Shkatova, L.A. (1984) Nablyudeniya nad rech'yu zhitelei g. Chelyabinska (k probleme "yazyk goroda") [Observations on the speech of residents of Chelyabinsk (on the problem of "language of the city")]. In: *Gorodskoe prostorechie: problemy izucheniya* [Urban vernacular: problems of study]. Moscow: Nauka. pp. 162–167.

9. Kocherenkova, S.D. (1990) Neofitsial'nye naimenovaniya prostranstvennykh ob'ektov Sverdlovsk (sposoby nominatsii) [Unofficial names of spatial objects of Sverdlovsk (methods of nomination)]. In: *Yazykovo oblik ural'skogo goroda* [Linguistic appearance of the Ural city]. Collection of scientific articles. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 79–90.

10. Prokurovskaya, N.A. (1996) *Gorod v zerkale svoego yazyka: Na yazykovom materiale Izhevsk* [The city in the mirror of its language: On the linguistic material of Izhevsk]. Izhevsk: Udmurt State University.

11. Belikov, V.I. (2004) Sravnenie Peterburga s Moskvoy i drugie soobrazheniya po sotsial'noi leksikografii [Comparison of St. Petersburg with Moscow and other considerations on social lexicography]. In: *Russkii yazyk segodnya* [Russian Language Today]. Is. 3. Moscow: IRL RAS. pp. 23–38.

12. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

13. Blinova, O.I. (2003) *Slovar' dialektного prostorechiya Srednego Priob'ya* [Dictionary of dialectal vernacular of the Middle Ob region]. Tomsk: Tomsk State University.

14. Retinskaya, T.I. (2019) Regional'nyi khudozhestvennyi tekst kak osnova regiolektografirovaniya (na materiale shampanskogo i ardennskogo regiolektov) [Regional artistic text as a basis for regiolectography (based on the Champagne and Ar-

dennes regiolects)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*. 3. pp. 73–76.

15. *Komsomol'skaya Pravda*. (2018) 150 regional'nykh slovechek, kotorye vvedut v stupor moskvichei [150 regional words that will baffle Muscovites]. [Online] Available from: <https://www.kp.ru/daily/26342.7/3222103/> (Accessed: 20.07.2024).

16. Yandeks. Dzen. (2021) *Kak govoritsya: mestnye slova v raznykh regionakh Rossii* [How to say: Local words in different regions of Russia]. [Online] Available from: <https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words> (Accessed: 25.07.2024).

17. Terkulov, V.I. (2021) [Dictionary of regiolect: principles and methods of compilation]. *Sovremennaya regionalistika: traditsionnye podkhody i novye napravleniya* [Modern regional studies: traditional approaches and new directions]. Proceedings of the II International Conference. Surgut: SSPU. pp. 82–94. (In Russian).

18. Osipov, B.I. (ed.) (2003) *Slovar' sovremennogo russkogo goroda* [Dictionary of the modern Russian city]. Moscow: Russkie slovari: Astrel': AST: Tranzitkniga.

19. Morozova O.E. (ed.) (2013) *Slovar' narodno-razgovornoj rechi Arhangel'ska: v 3 t.* [Dictionary of colloquial speech of Arkhangelsk: in 3 volumes]. Vol. 1. Arkhangelsk: IPC SAFU.

20. Belikov, V.I. (ed.) (2008) *Yazyki russkikh gorodov: materialy k slovaryu russkoi regional'noi leksiki, ABBY online proekt* [Languages of Russian cities: materials for the dictionary of Russian regional vocabulary, ABBY online project]. Available from: ABBY Lingvo X3 ME (Medved Edition): CD. Moscow: ABBYY.

21. *Yazyki Gorodov i Lyudei* (YaGeL') [Languages of Cities and People]. (2006). [Online] Available from: int.webcorpora.ru/reg2/index.php (Accessed: 20.09.2023).

22. Sindalovskiy, N.A. (2014) *Slovar' peterburzhtsa: leksikon Severnoi stolitsy, istoriya i sovremennost'* [Dictionary of a Petersburg: Lexicon of the Northern Capital, History and Modernity]. Moscow: Tsentrpoligraf; St. Petersburg: Russkaya troyka.

23. Lur'e, V.F. (2024) *Mikrotoponimika Leningrada–Pitera* [Microtoponymy of Leningrad–Piter]. [Online] Available from: www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/I_AM/microtop.html (Accessed: 10.07.2024).

24. Buteev, D.V., Sergeev, V.Yu. & Sibichenkov, A.G. (2014) *Slovar' neofitsial'nykh toponimov g. Smolenska* [Dictionary of unofficial toponyms of Smolensk]. Smolensk: Madzhenta.

25. Nikitina, T.G. & Rogaleva, E.I. (2006) *Regional'nyi slovar' slenga (Pskov i Pskovskaya oblast')* [Regional dictionary of slang (Pskov and Pskov Oblast)]. Moscow: Elpis.

26. Popova, T.V., Akhunova, V.R. & Osadchaya, T.N. (2007) *Regionalizmy g. Ekaterinburga: slovar'* [Regionalisms of Yekaterinburg: dictionary]. Yekaterinburg: Ural State Technical University.

27. Klimenko, E.N. & Popova, T.V. (2012) *Slovar' ekaterinburzhtsa: neofitsial'nye nazvaniya gorodskikh realii* [Dictionary of a Yekaterinburg Resident: Unofficial Names of Urban Realities]. Yekaterinburg: Ural State Forestry Engineering University.

28. Vakhitov, S.V. (2008) *Slovar' ufimskogo slenga nachala XXI veka* [Dictionary of Ufa slang of the beginning of the 21st century]. Ufa: Vagant.

29. Lipatov, A.T. & Zhuravlev, S.A. (2009) *Regional'nyy slovar' substandartnoy leksiki (Yoshkar-Ola. Respublika Marii El)* [Regional dictionary of substandard vocabulary (Yoshkar-Ola. Republic of Mari El)]. Moscow: Elpis.

30. Sharipova, O.A. (2012) *Slovar' yazyka goroda (regional'nyi aspekt: g. Sterlitamak, Respublika Bashkortostan)* [Dictionary of the city language (regional aspect: Sterlitamak, Republic of Bashkortostan)]. Sterlitamak: Sterlitamak Branch of Bashkir State University.
31. Kostromicheva, M.V. (2009) *Orlovskii regional'nyi sotsiolekt: materialy k slovaryu* [Orel regional sociolect: materials for the dictionary]. Oryol: Oryol State University.
32. Podyukov, I.A. (ed.) (2013) *Po-permski govorya: slovar' permskikh slov i vyrazhenii* [Speaking Perm: a dictionary of Perm words and expressions]. 2nd ed. Perm: Slovo.
33. Livinskaya, I.V. & Matveev, A.I. (2016) *Slovar' regional'noi leksiki i narodnykh toponimov goroda Novosibirska* [Dictionary of regional vocabulary and folk toponyms of the city of Novosibirsk]. 2nd ed. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya.
34. Popov, R.V. (2020) *Kak eto budet po-severodvinski?: slovar' mestnoi leksiki Severodvinska* [How to say it in Severodvinsk?: Dictionary of local vocabulary of Severodvinsk]. 2nd ed. Severodvinsk: SAFU.
35. Fomin, E.V., Erina, T.N. (2022) *"Na sleduyushchei ostav'te!": slovar' cheboksarskogo regiolekta russkogo yazyka* ["Leave it for the next one!": a dictionary of the Cheboksary regionalekt of the Russian language]. Cheboksary: Chuvash State University.
36. Denisov, P.N. (1988) Edinitsy slovarya [Vocabulary units]. In: *Natsional'naya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specificity of language and its reflection in the standard dictionary]. Collection of articles. Moscow: Nauka. pp. 48–52.
37. Mageramova, Yu.Yu. (2021) [Unofficial toponyms as semantic regionalisms (on the example of the Magadan regionalekt)]. *Problemy filologii, perevoda i metodiki prepodavaniya v svete mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Problems of philology, translation and teaching methods in the light of intercultural communication]. Proceedings of the All-Russian Conference with international participation. Magadan. October 15, 2020. Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionnyy tsentr. [Online] Available from: http://nkras.ru/arhiv/2021/problems_of_philology.pdf (Accessed: 20.08.2024). (In Russian).
38. Nikitina, T.G. (2017) Gorodskoy toponimikon: unikal'noe i universal'noe (na materiale g. Pskova) [Urban toponymy: unique and universal (based on the city of Pskov)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 6 (72):2. pp. 128–130.
39. Nikitina, T.G. (2018) Toponimicheskoe prostranstvo goroda: "kul'turnye sloi" v leksikograficheskom otobrazhenii [Toponymic space of the city: "cultural layers" in lexicographic display] *Voprosy onomastiki*. Vol. 15. Issue 2. pp. 180–193.
40. Khimik, V.V. (2017) *Tolkovyi slovar' russkoi razgovorno-obikhodnoi rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. In 2 volumes. St. Petersburg: Zlatoust.
41. Osipov, B.I. et al. (1994) *Leksikograficheskoe opisanie narodno-razgovornoy rechi sovremenno goroda: teoreticheskie aspekty* [Lexicographic description of colloquial speech of a modern city: theoretical aspects]. Omsk: Omsk State University.
42. Reinert-Schneider, G. (1987) Dialekt-Renaissance? [Deckeltitel: Erlebt die Mundart einen Aufschwung? Gibt es eine Dialekt-Renaissance?]. In: *Überlegungen und Analysen zu*

Funktionen der Substandardvarietäten in den Massenkommunikationsmitteln, untersucht am Beispiel des Kölner Raumes. Köln: Verlag J. P. Bachem.

43. Kaziaba, V. V. and Shchipitsina, L. Yu. (2023). Urban – media – verbal: a theoretical model of the verbal city image in social media, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 9 (4). pp. 4–30. doi: 10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-1

44. Elspaß, S. & König, W. (eds) (2008) *Sprachgeographie digital. Die neue Generation der Sprachatlanten.* Hildesheim u.a. [Digital language geography. The new generation of language atlases. Hildesheim et al.]. In: *Germanistische Linguistik*. Vol. VI. Issue 190–191. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms.

Сведения об авторах:

Казяба Виктория Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Северодвинск). E-mail: kaziaba@yandex.ru и v.kazyaba@narfu.ru

Попов Роман Васильевич – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске (Архангельск, Северодвинск, Россия). E-mail: r.popov@narfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Viktoria V. Kaziaba, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Severodvinsk, Russian Federation). E-mail: kazaba@yandex.ru and v.kazyaba@narfu.ru

Roman V. Popov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Severodvinsk, Russian Federation). E-mail: r.popov@narfu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.08.2024;
одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 10.12.2024.*

*The article was submitted 21.08.2024;
approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 10.12.2024.*

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Научная статья

УДК 81.374.4

doi: 10.17223/22274200/34/5

Лексикографические комплексы онежских былин как база изучения идиолекта сказителя эпоса

Мария Александровна Бобунова¹

¹ *Курский государственный университет, Курск, Россия, bobunova61@mail.ru*

Аннотация. Описывается идея создания лексикографических комплексов онежских былин. Характеризуется структура одного комплекса, созданного на базе текстов, записанных А.Ф. Гильфердингом от известного кижского сказителя В.П. Щеголенка в XIX в. На обширном фактическом материале выявляется исследовательская ценность каждого компонента комплекса и показаны возможности его использования для всестороннего изучения идиолекта сказителей эпоса.

Ключевые слова: язык фольклора, лексикографический комплекс, былина, идиолект, сказитель

Для цитирования: Бобунова М.А. Лексикографические комплексы онежских былин как база изучения идиолекта сказителя эпоса // Вопросы лексикографии. 2024. № 34. С. 83–105. doi: 10.17223/22274200/34/5

Lexicographic complexes of Onega epics as a basis for studying the epic narrator's idiolect

Mariya A. Bobunova¹

¹ *Kursk State University, Kursk, Russia, bobunova61@mail.ru*

Abstract. The article discusses one of the problems of linguo-folklore studies – the problem of idiolect. Although folk art, oriented on tradition, does not favour the manifestation of individuality, collectors and researchers of folklore

language have repeatedly drawn attention to the peculiarity of the lexicons of epic narrators. Kursk linguofolklorists use different vocabulary materials to reveal the idiolect specificity of bylina singers. The article talks about the idea of creating lexicographic complexes of the language of individual bylina narrators. The aim of this publication is to reveal the research possibilities of a lexicographic complex for studying the idiolect of epic singers. The structure of one complex, created on the basis of texts recorded by A.F. Gilferding from the famous Kizh narrator V.P. Schegolenok in the 19th century, is characterised. The choice was conditioned by the personality of the singer, whose performing talent was appreciated by the collector, as well as by the sufficient number of texts to analyse. The rich factual material reveals the research value of each component of the complex, including folklore megatext, alphabetic-frequency dictionary, frequency dictionary and concordance. The complete dictionary gives a visual representation of the lexicon of the bylina singer and allows paying attention to individual lexemes and word constructions characteristic for this or that narrator. The frequency dictionary makes it is possible to identify both the most frequently used lexemes and single lexemes, which account for more than half of the vocabulary. Special attention is paid to the concordance, which contains all the contexts in which each lexeme is used. It is suggested that the lexicographic complex provides an objective basis for studying the idiolect of a particular narrator, whose distinctive performance style can be discussed only against the background of the lexicons of other narrators living in the same territory at the same time. For this purpose, a series of electronic complexes of bylinas of several Onega singers is being prepared. Materials of the complex 'Ryabininin' are used for comparison in the article. It is noted that dictionaries, frequency dictionaries and concordances allow identifying common features due to the unity of the genre and the territory of the narrators' residence. However, there are also differences related to the choice of specific linguistic units and their combination in the bylina text, which makes it possible to talk about different types of asymmetry: quantitative, lexical, word-formation, and syntagmatic. It is concluded that further preparation of a series of complexes of bylinas of different narrators will not only confirm the conclusions about the uniqueness of their idiolects, which are influenced by different factors, but will also be a significant contribution to solving the theoretical problem of idiolects in Russian folklore.

Key words: folklore language, lexicographic complex, epic, idiolect, storyteller

For citation: Bobunova, M.A. (2024) Lexicographic complexes of Onega epics as a basis for studying the epic narrator's idiolect. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 34. pp. 83–105. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/34/5

Введение

Одной из проблем лингвофольклористики, наряду с проблемами жанровой и пространственно-временной дифференциации языка фольклора, является проблема идиолектности.

Хорошо известно, что народное искусство в целом ориентировано на традицию, что в принципе не способствует проявлению индивидуального начала. Тем не менее собиратели и исследователи языка фольклора оставили немало замечаний о своеобразии лексиконов исполнителей произведений устного народного творчества. Особенно это касается тех жанров, где личностное начало могло проявиться в большей степени (былины, сказки, причитания)¹.

Одним из первых на роль сказителя эпоса обратил внимание О.Ф. Миллер [1], позже о необходимости учета индивидуальных особенностей былинных певцов говорили другие исследователи. Так, П.Н. Рыбников, открывший эпос в Олонецком крае, отмечал: «У каждого истинного сказителя заметно его личное влияние на склад былины: он вносит в нее свой характер, любимые слова, поговорки» [2. С. 72]. О важной роли исполнителя былин писал российский фольклорист А.Ф. Гильфердинг, который в 1871 г., совершив поездку в Олонецкую губернию, прослушал около 70 сказителей и записал более 300 текстов: «Кроме местных влияний, в былине участвует личная стихия, вносимая в нее каждым певцом; участие это чрезвычайно велико, гораздо больше, чем можно бы предполагать, послушав уверения самих сказителей, что они поют именно так, как переняли от стариков» [3. С. 31]. Собиратель замечает, что «участия личного творчества никто из них <сказителей> не подозревает, хотя оно существует несомненно. Из разговора с любым сказителем вы сейчас увидите, что он вполне чужд сочинительства: он старается петь именно так, как пел его отец, дед или учитель» [3. С. 25–26]. Выделяя в былинах «места типические» и «места переходные», А.Ф. Гильфердинг считает, что личность сказителя проявляется в обоих случаях. Не случайно исследователь приходит к убеждению, «что собранные былины должны быть, при издании, расположены не по предметам, а по ска-

¹ Такие произведения исполняются индивидуально, поэтому в момент исполнения открыты к импровизациям.

зителям» [3. С. 33]. Более того, тексты он предваряет характеристикой исполнителя с указанием его возраста, профессии, взглядов и др.

Об индивидуальном творчестве в фольклоре писали и исследователи XX столетия [4–6]. Отмечая трепетное отношение сказителей к исполняемому тексту, который воспринимался ими как божественный дар, изменение которого навлечет на исполнителя проклятие [7. С. 164], ученые не могли не замечать личностного вклада певца. В частности, российский литературовед, этнограф и фольклорист А.П. Скафтымов утверждал, что «каждый вариант принадлежит своему автору, индивидуально отличному от исполнителей других вариантов. Каждый певец поет свою песню, каждый горит своим огнем пафоса и напряжения, каждый выливает былинку под индивидуальным освещением своего воззрения и чувства» [8. С. 46–47].

Личностное начало, по мнению исследователей, проявляется в манере исполнения, выборе сюжетов, структуре текста, его объеме и т.д. Однако все эти наблюдения часто были попутными и фрагментарными. В последнее время интерес к указанной теме возрос [9–11]. Так, М.С. Родионов обращается к проблеме выявления аспектов влияния личности сказителя на сохранность первоначальной информации былинного текста: «В числе важнейших здесь можно назвать общекультурный и образовательный уровень сказителя, его социальную и профессиональную принадлежность, характер религиозности, степень приверженности фольклорной традиции или, наоборот, склонность к импровизации. Немаловажную роль играют также личность информатора исполнителя (то есть того, от кого он услышал исполняемое произведение), возраст сказителя, определяющий характер его жизненного опыта, и даже гендерный фактор. Все это в совокупности и по отдельности оказывается важнейшим условием сохранения информационного поля произведений русского героического эпоса – богатырских былин» [12. С. 113]. Сказанное определяет актуальность нашего исследования, новизна которого заключается в привлекаемом к анализу фактическом материале (былины, записанные от одного сказителя) и используемых методиках.

Материал и методика исследования

Ученые предлагают разные методики для выявления идиолектной специфики былинных певцов. Характерным для курских лингвофольклористов является взгляд на идиолект сквозь призму словаря [13–15].

Заметим, что первые исследования в этом направлении на рубеже XX–XXI вв. опирались на картотеки, созданные вручную, поэтому не отличающиеся исчерпывающей полнотой. Не учитывались служебные слова, местоимения и имена собственные, а также различные варианты знаменательных лексем. Тем не менее благодаря материалу созданного нами словаря языка онежского эпоса на обширной фактической базе (более 300 текстов, записанных А.Ф. Гильфердингом) мы смогли найти примеры сказительского идиолекта Т.Г. Рябина, одного из наиболее известных исполнителей былин. Этому способствовала особая параметрическая структура словарной статьи, в дополнительно-информационной зоне которой объект описания характеризуется и по сюжету, и по территории бытования, и по исполнительской принадлежности [16].

Однако для всестороннего описания идиолекта, под которым мы понимаем всю совокупность языковых средств сказителя, на наш взгляд, требуются другие формы и инструменты. В этом плане нам кажется перспективным создание лексикографических комплексов былин отдельных исполнителей. О структуре и научной ценности комплексов народных лирических песен, включающих фольклорный метатекст, алфавитно-частотный словник, частотный словарь и конкорданс, мы уже писали [17]. Лексикографические комплексы создаются с помощью специально разработанной компьютерной программы NewSlov (автор – М.В. Литус), которая в течение нескольких лет совершенствовалась с учетом возникающих потребностей пользователей. Указанная программа позволяет автоматически составлять алфавитный список словоформ, а формирование словника лексем осуществляется самим исследователем, объединяющим словоформы в лексемы, разводящим омонимы и сортирующим материал. Особое устройство программы также способствует созданию конкордансов отдельных групп слов и даже отдельных лексем. В связи с большим объемом комплексов они в большинстве своем представлены в электронном виде и хранятся в лаборатории «Фольклорная лексикография» Курского государственного университета. В ознакомительных целях в ежегодно издаваемом сборнике «Лингвофольклористика» публикуются лишь отдельные компоненты комплексов, например: алфавитно-частотные словники или фрагменты конкордансов [18; 19].

Целью данной статьи является выявление исследовательских возможностей лексикографического комплекса для изучения идиолекта певцов эпоса. Покажем это на примере былин олонекского сказителя

В.П. Щеголёнка (1817–1894). Тексты былин были записаны А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. и помещены в трехтомное собрание онежских былин [20]. Наш выбор был обусловлен личностью сказителя, исполнительский талант которого был по достоинству оценен собирателем, а также достаточным для анализа количеством текстов (11 былин – 12 399 словоупотреблений).

Приведем сведения об исполнителе, представленные в данном сборнике.

Василий Петрович Щеголенок,

крестьянин дер. Боярщины, Кижской волости, 65-ти лет от роду; земледелец и вместе с тем сапожный мастер; приобрел склонность к пению былин еще в малолетстве, слушая своего деда и в особенности дядю Тимофея, который, будучи безногим, сорок лет сидел в углу в доме его отца и занимался сапожной работой. Переняв ремесло дяди, Щеголенок от него же научился и большей части тех былин, которые помнит поныне. Поет он былины не громким, но довольно приятным, хотя уже старческим голосом, соединяя, впрочем, часто в одну былинку разнородные предметы и не придерживаясь определенного размера. Щеголенок был известен г. Рыбникову; осенью 1871 года он побывал в Петербурге. Здесь он прибавил несколько былин к тем, которые он пел собирателю в Кижях и которых тогда не мог хорошенько припомнить; при этом поверен вновь и текст былин, записанных на месте. Все былины записаны «с голоса». Щеголенок, хотя неграмотный, но большой охотник ходить по монастырям и слушать божественные книги; это отзывается отчасти и в тоне его былин [20. Т. 2. С. 287–288].

Анализ материала

Общая характеристика комплекса

Фольклорный мегатекст включает 11 паспортизированных (с указанием номера былины) текстов: «Святогор», «Святогор и Садко», «Первые подвиги Ильи Муромца», «Илья Муромец и Калин царь», «Добрыня и Маринка», «Добрыня и Змей», «Добрыня в опале», «Дунай», «Хотен Блудович», «Чурило», «Дюк». Мегатекст позволяет читателю познакомиться с былинами, а в случае необходимости обратиться и к более широкому контексту для решения исследовательских задач.

С помощью указанной компьютерной программы нами был подготовлен алфавитно-частотный словник, в котором 1 286 лексем. В словник вошли как знаменательные, так и служебные части речи, нарицательные и собственные имена существительные. Обратим внимание на то, что слова с суффиксами субъективной оценки представлены в отдельных словарных статьях, поскольку нередко являются диалектными или специфически фольклорными конструкциями. Например: *грудюшка* ‘Фольк. Грудь’ [21. Вып. 7. С. 164], *крестьянушко* ‘Фольк. Крестьянин’ [21. Вып. 15. С. 237], *кустышек* ‘Обычно фольк. Небольшой куст, кустик’ [21. Вып. 16. С. 162], *лапотики* ‘Фольк. Лапти’ [21. Вып. 16. С. 265], *невеличенький* ‘Ласк. Очень маленький’ [21. Вып. 18. С. 331], *сивушка* ‘Фольк. Ласк. Лошадь сивой масти’ [21. Вып. 37. С. 275], *словечушко* ‘Фольк. Ласк. Слово, словечко’ [21. Вып. 38. С. 292], *стариனுшка* ‘Ласк. Былина’ [21. Вып. 41. С. 75]. Некоторые из них не используются другими онежскими сказителями и зафиксированы исключительно в текстах Щеголенка (например, *грудюшка*, *донушко*, *игрышки*, *пеганенький*).

Полагаем, что полный алфавитный словник дает наглядное представление о лексиконе былинного певца и позволяет обратить внимание на отдельные лексемы и словообразовательные конструкции, характерные для того или иного сказителя.

На базе словника составлен частотный словарь, в котором языковые единицы даются в порядке убывающих частот. Благодаря такому словарю можно выявить как самые употребительные лексемы, так и единичные, на долю которых приходится более половины словника.

Особый интерес для исследователя представляет конкорданс, в котором приводятся все контексты употребления каждой лексемы. Словарная статья наших конкордансов имеет традиционную структуру: заголовочное слово, статистическая характеристика, исчерпывающее число контекстов с паспортизацией – номер быliny (подробнее о конкордансах фольклорных текстов см.: [22]). Приведем фрагмент конкорданса на букву «П».

Понуживать 1. Он и плёткой коня Добрынюшка *понуживает*, И палицей булатнею Добрынюшка поигрывает <118>¹.

Понукивать 3. Он день-то шол да до пахара не дошол, Да

¹ В угловых скобках здесь и далее указан номер быliny из собрания А.Ф. Гильфердинга [20]. В примерах сохраняется орфография источника.

другой день-то дороженкой пошел, И пахарь, слышит, попахивает, И лошадку-то пахарь *понукивает*, Да ведь сошка у пахаря поскрыпывает, И третий-то день пошел Щурилушка Щаплинкович, Да ведь тоже пахарь попахивает Да лошадку пахарь *понукивает*, И сошка у пахаря поскрыпывает <127>; Да впереди-то себя пахарь да попахивает, Лошадку-тко пахарь *понукивает*, Да сошка у пахаря поскрыпывает <127>.

Поотдохнуть 1. Да проговорит старой казак Илья Муромец, Илья Муромец сын Иванович: «Ты солнышко Владимир князь стольне-киевской Дай-ко ты мне времени и *поотдохнуть*, Не на много не на мало на двенадцать дней» <121>.

Попадать 1. Да поехал ли Святогор да богатырь Да дороженкой поехал да широкой, *Попадает*-то на встречу Самсон да ведь Самойлович <119>.

В конкордансе не приводятся толкования, но имеющиеся контексты позволяют читателю верно определить (или предположить) значение того или иного слова. При необходимости можно обратиться к диалектному словарю: *понукивать* ‘Слегка понукать, подгонять (лошадь)’ [21. Вып. 29. С. 276], *понукивать* ‘Слегка погонять, понукать (тягловый скот), покрикивать, ободрять окликом’ [21. Вып. 29. С. 277], *поотдыхать* ‘Немного отдохнуть, поотдохнуть’ [21. Вып. 29. С. 289].

Примеры, представленные в конкордансе, могут свидетельствовать о многозначности слова. Так, глагол *расходиться* в одном случае реализует узуальное значение ‘Уйти откуда-л. в разные места (о многих, нескольких)’ [21. Т. 3. С. 625], а в другом – фольклорное ‘*Фольк*. Расходились богатырские руки, жила, сила, плечики могучие. О состоянии крайнего возбуждения, волнения’ [21. Вып. 34. С. 300]. Ср.:

Да вси поляници удалыи

Да вси со двора расходилиси

По своим ли-то полатам богатырским <121>.

Прирубили они всех татар поганных,

Разгорелися сердца богатырския,

Расходились жилы богатырския <121>.

Глагол *распечалить* в русском фольклоре, как свидетельствуют лексикографические источники, может реализовывать противоположные значения: ‘*Фольк*. 1. Заставить печалиться, опечалить. 2. Перестать печалиться, прогнать печаль’ [21. Вып. 34. С. 163]. Щеголенок использует это слово единожды во втором значении, о чем говорит

контекст: *Да ты, ясен сокол детинушка, А зайди-тко ты да на царев кабак, Да ты выпей-ко да чару зелена вина, И запей-ко ты медамы настоялыма, И окати своё ретивое сердечушко, И **роспечаль**-ко ты свои уста сахарныи, **Розвесели** свою буйную головушку <127>.*

Конкорданс также позволяет увидеть семантическое своеобразие диминутивов в былине. Ср., например, словарные статьи ДОМ и ДОМИШЕЧКО.

Дом 3. Говорил ему родитель да рожденные: – Ай же ты, Илей, мы работаем луг и пожню, Чистим луг-пожню за три поприща от *дому* <118>; Вы возьмите с меня денежок да пятьдесят рублей, И пятьдесят рублей да со полтиною, Да ведите меня мимо королевской *дом*, Да последне мни-ка с ней проститися, Да последне мне с ней расставатися <127>; Повели его Щурилушку Щаплинкова мимо королевской *дом* <127>.

Домишечко 3. Тут пошел ли-то Щурилушка Щаплинкович От короля в Литвы да от литовскаго, И пошел-то по городу да Окиянову, И выходит супротиво того *домишечку* питейного. Из питейника *домишечка* выходит-то бабёночка, Бабёночка турыжная да ярыжная <127>; И он зашел ли-то Щурилушка Щаплинкович Да в это-то *домишечко* в питейное, Да он сел-то на скамеечку дубовую, Наливает она чару зелена вина, И запил он тут медамы настоялыма <127>.

Как видим, у слова *дом* реализуются общеупотребительные значения ('здание, строение', 'жилье'), а у существительного *домишечко* в составе атрибутивной пары *питейный домишечко* проявляется особая семантика – 'кабак', что подтверждает диалектный словарь: *питейник* 'Эпитет кабака' [21. Вып. 27. С. 53].

Особый интерес представляет словарная статья СТЕПЬ.

Степь 6. Как-то видели добра молодца посядучи На этого коня да богатырскаго А на эту *степь* да лошадиную, А не вид'ли добра молодца поедучи <118>; Когда сел ты на *степь* на лошадиную, Да не жми-тко шпорами булатнима Да меня-то под круты ребра, Да не хлыщи-тко меня плеточкой толковой Да по этой-то по *степи* лошадиною, Не натягивай ты поводов шелковых, И тогды могу служить верой-правдою тебе <119>; Они выехали с града из Киева И в эту путь да в дороженку, Они прижали коней

да богатырских, Они прижали-то шпорами вострыма Да под
этыи да под круты ребра, Да ударили их плеточкой шелковою Да
по этой по *степи* лошадиною <125>; Когда сядешь ты на *стень*
да лошадиную, Да не жми-тко ты шпорами булатныма Да под эти
меня да под круты ребра, Не хлыщи-тко плёточкой шелковою Да
по этой по *степи* лошадиною, Не натягай поводов да ты тесмя-
ных, Ты держись-ко за гриву да за святу гриву, Я тошто тебе
служить буду верой-правдою <128>.

Как видим, существительное *стень*, шесть раз употребленное Ще-голенком в четырех былинах, это не ‘равнина, поросшая травой’, а ‘часть тела животного’, о чем говорят синтагматические связи слова (*лошадиная стень*; *сесть на стень*, *посядучи на стень*, *хлыстать плеточкой по степи*, *ударить плеточкой по степи*). Обращение к диалектному словарю подтверждает сделанное предположение: ‘Спина коровы, быка, (чаще) лошади’ [21. Вып. 41. С. 145]. Заметим, что другие онежские сказители в таком значении слово не употребляют, хотя данное существительное зафиксировано в лексиконах нескольких певцов из Водлозера и Кенозера. В их восприятии степь – это дикое и несчастливое место, а существительное *стень*, определяемое прилагательными *саратовский* и *широкий*, встречается во фрагментах описания смерти богатыря и картинах далекого пути. Ср.:

*Как по тым **степям** да по **саратовским**
Одна куревка да завивается,
С горы на гору да с доли на долу <217>.
А конь-от ходит в **широких степях**.
А летают вороны-ты черные,
А трынькают тело Добрынино,
Нося суставы все Добрынины <228>.*

Таким образом, лексикографический комплекс дает фактический материал для описания идиолекта конкретного сказителя.

Сопоставительный анализ комплексов

Однако говорить о своеобразии поэтической манеры сказителя эпоса можно лишь на фоне лексиконов других сказителей, проживающих на одной и той же территории в одно и то же время. Как справедливо утверждал В.М. Жирмунский, сравнение «не уничтожает специфики изучаемого явления (индивидуальной, национальной, ис-

торической); напротив, только с помощью сравнения, т.е. установления сходств и различий, можно точно определить, в чем заключается эта специфика» [24. С. 177].

В настоящее время нами готовится серия электронных комплексов былин нескольких онежских певцов. Для сравнения привлечем материалы комплекса «Рябинин», построенного на базе 15 былин, записанных А.Ф. Гильфердингом в Кижях в то же время. Разное количество фактического материала не позволяет нам сравнивать абсолютные числовые показатели, однако можно сопоставлять словники и ранг лексем в частотном словаре.

Например, сравним состав словников на буквы «Ж» и «Я», выделив совпадающие слова (табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент словников (буквы «Ж» и «Я»)

Рябинин	Щеголенок
<i>жавролёночек</i>	<i>жалко</i>
<i>жалкий</i>	<i>жать</i>
<i>жалоба</i>	<i>ждать</i>
<i>жаловать</i>	<i>же</i>
<i>жар</i>	<i>желанный</i>
<i>жгать</i>	<i>железный</i>
<i>ждать</i>	<i>железо</i>
<i>же</i>	<i>желтый</i>
<i>железный</i>	<i>жена</i>
<i>железо</i>	<i>женатый</i>
<i>жёлтый</i>	<i>женить</i>
<i>жемчуг</i>	<i>женитьба</i>
<i>жена</i>	<i>жениться</i>
<i>женатый</i>	<i>женишечка</i>
<i>женить</i>	<i>женишка</i>
<i>женитьба</i>	<i>жеребец</i>
<i>жениться</i>	<i>жеребчик</i>
<i>женский</i>	<i>жила</i>
<i>женищина</i>	<i>жилецкий</i>
<i>жеребчик</i>	<i>жительство</i>
<i>жеребятушко</i>	<i>жить</i>
<i>живой</i>	
<i>жить</i>	
<i>жо</i>	
<i>я</i>	<i>я</i>
<i>язык</i>	<i>явиться</i>

яровчатый ясный	явный янома ярыжный ясный
---------------------------	---

Обратим внимание на то, что несовпадающие лексемы, как правило, низкочастотны. Данное сопоставление позволяет говорить о лексической асимметрии (наличии в одном и отсутствии в другом перечне).

Общий анализ словников показал, что среди идиолектно маркированных слов у Щеголенка есть как общеупотребительные (*кабинет, лето, муха* и др.), так и диалектные лексемы: *двенадцатеры* ‘числит., собир. Двенадцать’ [21. Вып. 7. С. 281], *добольня* ‘нареч. Фольк. Очень больно, до боли’ [21. Вып. 8. С. 75], *златница* ‘Монета’ [21. Вып. 11. С. 285–286], *неудаковый* ‘Неудачливый’ [21. Вып. 21. С. 187], *самолёгкий* ‘Фольк. Очень легкий, незначительный по весу’ [21. Вып. 36. С. 90], *сирочество* ‘Фольк. Сиротство’ [21. Вып. 37. С. 351], *турыжный* ‘Распутный, развратный’ [21. Вып. 45. С. 285], *убоище* ‘Фольк. Поле битвы’ [21. Вып. 46. С. 132] и др.

*Да заходит ли младый Добрынюшка Никитинич
Во свой ли кабинет богатырский
Да берет три златницы три серебряных,
И каждая златница стоит сто рублей <118>.
Надевает он одежду богатырскую,
Богатырскую одежду самолёгкую <123>.
Не писана тебе смерть на убоищи <118>.*

Сопоставляться могут отдельные словообразовательные модели, например: наречия с приставкой *по-* и суффиксом *-ому/-ему* (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление словообразовательных моделей

Рябинин	Щеголенок
<i>По-звериному</i>	<i>По-звериному</i>
<i>По-нашему</i>	<i>По-змеиному</i>
<i>По-однакому</i>	<i>По-мужичьему</i>
<i>По-писаному</i>	<i>По-писаному</i>
<i>По-прежнему</i>	<i>По-ученому</i>
<i>По-соловьему</i>	
<i>По-старому</i>	
<i>По-ученому</i>	

Частотные наречия *по-писаному* и *по-ученому* используются разными певцами в составе устойчивой былинной формулы: *Крест кладет да по писаному, Поклон ведет да по ученому* <114>. А слово *по-звериному* необходимо им для характеристики крика Соловья-разбойника. Другое же ассоциативно связанное наречие у сказителей варьируется: у Рябинина – *по-соловьему*, а у Щеголенка – *по-змеиному*. Ср.:

*Засвистал как Соловей тут по соловьему,
Закрывал розбойник по звериному* <74>.
*Тут Соловей Рахманович
Крыкнул по звериному,
Свистнул по змеиному* <112>.

Обратимся к сравнению частотных словарей, верхние позиции которых занимают служебные слова (*и, а, на, за, не*), глаголы-связки (*быть, стать*) и местоимения (*он, ты, я*) как организаторы структуры текста. Представим 25 частотных знаменательных слов в порядке их следования в словаре (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление самых частотных слов

Рябинин	Щеголенок
конь	богатырский
князь	проговорить
Владимир	Илья
добрый	Муромец
говорить	конь
молодой	богатырь
славный	Добрынюшка
чистый	сын
поле	старый
белый	Владимир
Добрынюшка	князь
Илья	казак
слово	слово
богатырский	поганый
матушка	Иванович
богатырь	солнышко
Киев	булатный
великий	могучий
раздольице	русский

<i>стольнокиевский</i>	<i>город</i>
<i>двор</i>	<i>Киев</i>
<i>молодец</i>	<i>Земля</i>
<i>град</i>	<i>Святогор</i>
<i>Муромец</i>	<i>Вдова</i>
<i>старый</i>	<i>взять</i>

В целом частотные словари в верхушечной части соотносятся друг с другом. По этим наиболее употребительным лексемам можно составить представление об основных темах и героях былин.

Особого внимания заслуживают высокочастотные для одного из сказителей слова, не представленные в словнике другого. Так, Щеголенок совсем не употребляет существительное *роздолъице*, которое в словаре Рябинина имеет высокий ранг (82 словоупотребления). Оно, как и слово *роздолъе* (6 словоупотреблений), используется сказителем в конструкции *роздолъице чисто поле*.

Они сели на добрых коней, поехали

По славному роздолъицу чисто полю <73>.

Тут старья казак да Илья Муромец

Он поехал по роздолъицу чисто полю <75>.

Частотный в лексиконе Щеголенка глагол *проговорить* (119 словоупотреблений) не упоминается Рябининым, в то время как оба сказителя используют формы *говорить* и (единично) *испроговорить* ‘Фольк. Проговорить’ [21. Вып. 12. С. 246]. Правда, несколько раз Рябинин прибегает к глаголу *воспроговорить* ‘Фольк. Проговорить, сказать’ [21. Вып. 5. С. 144]. Ср.:

Да проговорит Добрыня таково слово <118>.

Воспроговорил Дунай таковы слова <81>.

Также можно отметить количественную асимметрию, когда частотность какой-то лексемы в идиолекте одного из сказителей в разы превышает числовые показатели в лексиконе другого. Например, прилагательные *могучий* и *поганый* значительно чаще употребляются Щеголенком, а *добрый* и *славный* – Рябининым.

Как видим, словники и частотные словари необходимы исследователю для выявления внешних отличий (лексических, словообразовательных, частотных), а для выявления внутренних (синтагматических) нужны конкордансы.

Так, сравнение словарных статей с заголовочной единицей ГЛУ-БОКИЙ показало, что оба сказителя используют это прилагательное

для характеристики погребя, в который за провинности сажают богатыря.

– *Бери-тко младаго Добрынюшку Никитича*
За этии за рученьки за белыи,
За этии за перстни за злачёные,
*Отведи его во **погребы глубокие***
А за его за речи неумильнии <124>.

Кроме того, этим эпитетом определяют водоемы: Рябинин – море, Окиян-море, Щеголенок – реки и озера.

*Уходили-то вси рыбушки во **глубоки моря** <73>.*
Конь-то ведь мелкий-то речки перешагивал,
***Глубоки озера** перескакивал <118>.*

И только в былинах Рябинина прилагательным *глубокий* характеризуется подкоп ‘Ров’ [21. Вып. 28. С. 43]: *Он просел с конём в **подкопы-ты глубокий** <75>.*

Если в былинах Щеголенка прилагательное *сахарный* является исключительно эпитетом существительного *уста*, то у Рябинина, кроме данной общефольклорной конструкции (*сахарные уста*), частотна атрибутивная пара *сахарное ествушко* ‘Ласк. Фольк. Еда, кушанье’ [21. Вып. 9. С. 41] и единично сочетание *сахарное деревце*.

*Тут кормили его **ествушкой сахарнею**,*
А й поили питьищем медвяным <76>.
– *Ты посматривай-тко на **сахарне мое деревце** <80>.*

Лексикографический портрет слова *сердце*

Для выявления синтагматической асимметрии, которая проявляется в атрибутивных, субстантивных и глагольных сочетаниях, обратимся к словарным статьям СЕРДЦЕ в двух конкордансах. В свое время мы уже делали попытку описания существительного *сердце* в эпосе вообще, привлекая к анализу былины, записанные на разных территориях (Беломорье, Прионежье, Урал, Сибирь) в разное время (XVIII–XX вв.) [25]. Исходя из цели нашего исследования, нам было интересно сопоставить лексикографические портреты¹ указанной лек-

¹ Лексикографический портрет складывается в результате всестороннего описания слова с учетом его значения, частотности употребления, синтагматических и парадигматических связей, а также участия в устойчивых поэтических приемах (сравнение, формула, параллелизм и др.).

семьи в идиолектах двух кижских сказителей. Выбор обусловлен значимостью данного слова в русской языковой картине мира в целом и в эпосе в частности.

Как оказалось, в былинах это существительное используется чаще в переносном значении, являясь символом внутреннего мира человека.

В качестве эпитетов в лексиконах обоих певцов используются прилагательные со значением принадлежности: *богатырское* – у Щеголенка, *богатырское, молодецкое, человеческое* – у Рябинина. Нередко оба сказителя используют и притяжательные местоимения *моё, твоё, его, их*.

И уходилось ёго сердце богатырское

А у этой да ведь у сумочки <119>.

Розгорелось его сердце богатырское <118>.

Не утешишь сердца молодецкаго <87>.

На принадлежность указывает и субстантивная конструкция, используемая Рябининым.

И розгорелось сердце у богатыря

Да й у старого казака Ильи Муромца <77>.

В былине очень важны действия, связанные с этим жизненно необходимым органом. Чаще всего сердце может *разгореться* ‘Становиться теплым, горячим, начинать пылать, чувствовать жар’ [21. Вып. 33. С. 311], что является показателем высшей степени возбуждения, гнева, ярости богатыря. Щеголенок использует и диалектную форму *разгораться* ‘Приходить в состояние сильного возбуждения, разгораться’ [21. Вып. 33. С. 313].

Россержают они своих коней богатырских,

Розгорается их сердце богатырское <119>.

Являясь средоточием чувств, настроений и переживаний человека, сердце становится выразителем различных эмоций, как положительных, так и отрицательных. У Щеголенка – *сколыбнуться, увеселиться, уходиться* ‘Успокоиться (после пережитых волнений)’ [21. Вып. 48. С. 290], у Рябинина – *унывать, ужаснуться* ‘Фольк. Испытать чувство страха, ужаса’ [21. Вып. 4. С. 330].

Увеселилось ёго сердце богатырское:

Очистил-де старой казак Илья Муромец

Путь дороженку да широко

Ко этому ко городу ко Киеву,

Ко тому ли солнышку ко князю ко Владимиру <118>.

Как от покрыку от человечьяго,

Как от ржанья лошадиного

Унывает сердце человеческо <75>.

– Й у того ли у молодого Добрынюшки

Ёго сердце богатырско **не ужахнулось** <79>.

Сердце в былинах может быть не только субъектом, но и объектом действия. Его можно *разъярени*ть (Щеголенок) и *утеи*ть (Рябинин).

Разъяренил-то свое **сердце** богатырское

И проговорил-то Святотор тут богатырь <119>.

Обратим внимание на то, что только в былинах Рябинина встретилась глагольная конструкция *достать* (*доставать, повынять* ‘Вынуть, извлечь, откуда-л.’ [21. Вып. 27. С. 275]) *сердце с печеню*. Это сочетание используется во фрагменте описания поединка, завершившегося победой одного из героев, или картине его смерти.

Да пластала бы твои я груди белыи,

Доставала бы твоё да **сердце с печеней**,

Не спросила б я отца твоёго матери,

А ни твоего ни роду я ни племени <87>.

– А й побит Добрынюшка в чистом поли,

– Пороспластаны его да груди белыи,

*– Да й **повынято** его **сердце со печеней** <80>.*

Подмечено, что для фольклора характерны вертикальные внутри-текстовые связи – дискретно-ритмические конструкции [26]. Существительное *сердце* нередко включается в ассоциативные ряды с другими соматизмами: Щеголенок – *сердце... жилы*, Рябинин – *кровь... сердце*. Такие конструкции выполняют усилительную функцию, демонстрируя процесс нарастания ярости богатыря. Это подтверждают и ассоциативные глаголы: *разгореться... расходиться, распылаться* ‘Фольк. Воспылать, разгореться’ [21. Вып. 34. С. 196]... *разгореться*.

Разгорелися сердца богатырския,

Росходились жилы богатырския <121>.

А й у молода Хотинушки у Блудовича

Кровь-то в нём и **роспылаласи**,

Сердце ёго **розгорелоси**

За эту родительску обидушку <84>.

Для былин Рябинина характерен еще один ассоциативный ряд *плечо... сердце*. Здесь управляющие глаголы *укрять* ‘Фольк. Укротить чью-л. силу’ [21. Вып. 47. С. 102] и *утеи*ть, употребляясь с отрица-

тельной частицей, подчеркивают невозможность достижения поставленной цели.

*Хошь нас подстрелишь двух белых лебедушек,
Не укртаешь плеча могучаго,
Не утешишь сердца молодецкаго <87>.*

Обратим внимание на то, что Щеголенок, в отличие от Рябинина, несколько раз использует диминутив *сердечушко*, что является свидетельством словообразовательной асимметрии. Интересно, что уменьшительно-ласкательное слово отличается от существительного *сердце* своими синтагматическими связями. В качестве эпитета диминутива, который встречается в глагольных сочетаниях *прижимать к сердечушку* и *ока-тить* ‘Доставлять удовольствие, радость (душе, сердцу)’ [21. Вып. 23. С. 115] *сердечушко*, выступает прилагательное *ретивый* ‘Устар. и народно-поэт. Пылкий, горячий (о сердце)’ [23. Т. 3. С. 710].

*И захватывае Добрынюшка ю за ручки,
Прижимае ю к сердечушку ретивому.
Сколыбнулось ёго сердце богатырское <123>.*

Таким образом, сравнение лексикографических портретов слова позволило выявить общие черты, обусловленные единством жанра и, возможно, территорией проживания сказителей. Однако налицо и отличия, связанные с выбором конкретных языковых единиц и их сочетаемостью в былинном тексте, что дает возможность говорить о разных видах асимметрии: количественной, лексической, словообразовательной, синтагматической.

Выводы

Как видим, лексикографические комплексы, представляющие совокупность взаимосвязанных словарных материалов, оказываются основой для всестороннего описания идиолекта отдельного былинного певца. В частности, полный алфавитный словник говорит о богатстве его лексикона, частотный словарь позволяет выявить наиболее употребительные лексемы, указывающие на основные тематические составляющие анализируемых текстов былин, а конкорданс с исчерпывающим перечнем контекстов употребления каждой лексемы способствует не только определению значений слов, но и описанию синтагматических и парадигматических связей разных языковых единиц фольклорного текста.

Исследовательская ценность лексикографических комплексов проявляется также в возможности проведения сопоставительных исследований. Сравнение словарей, частотных словарей и отдельных словарных статей конкордансов былин, записанных в одно и то же время одним собирателем от двух кижских сказителей, свидетельствует о языковом своеобразии каждого из них.

В целом многолетняя работа над словарем языка фольклора убеждает нас в том, что лексикографирование оказывается важным инструментом получения теоретических знаний. В свое время о научной плодотворности содружества теории и словаря убедительно писала О.И. Блинова: «...“Выигрывают” и ТЕОРИЯ, и СЛОВАРЬ. Их взаимосвязь и взаимодействие повышают теоретический уровень исследований благодаря использованию огромного материала, предварительно прошедшего лексикографическую обработку, нередко полисистемную. Повышается уровень и лексикографических работ, вбирающих в себя результаты теоретических разработок...» [27. С. 22].

Полагаем, что дальнейшая подготовка серии комплексов былин разных сказителей не только подтвердит сделанные выводы об уникальности их идиолектов, на которые оказывают влияние разные факторы, но и будет существенным вкладом в решение теоретической проблемы идиолектности в русском фольклоре.

Список источников

1. Миллер О.Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское: сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб. : тип. Н.Н. Михайлова, 1869. 830 с.
2. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3 т. Петрозаводск : Карелия, 1989. Т. 1. 527 с.
3. Гильфердинг А.Ф. Олонекская губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года : в 3 т. 2-е изд. СПб : Типография Императорской АН, 1894. Т. 1. С. 1–62.
4. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М. : Искусство, 1971. 544 с.
5. Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция. СПб. : Изд-во «Дм. Буланин», 2000. 374 с.
6. Ухов П.Д. Типические места (*loci communes*) как средство паспортизации былин // Русский фольклор. М.; Л. : АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. М. О. Скрипиль, 1957. Т. II. С. 129–154.
7. Кожин В.В. История Руси и русского слова. М. : Алгоритм, 1999. 480 с.

8. Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин: очерки. Москва; Саратов : Книгоизд-во В.З. Яксанова, 1924. 221 с.
9. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. 188 с.
10. Макарова Н.В. Идиолект сказителя в аспекте былинного текстообразования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 22 с.
11. Попова Г.С. Идиолект сказителей в эпическом словаре улуса // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 2. С. 46–50.
12. Родионов М.С. Влияние личности сказителя на информационное поле былин // Вестник Челябинского государственного университета, 2014. № 16 (345). Филология. Искусствоведение. Вып. 91. С. 112–116.
13. Караваева М.А. Идиолект былинного певца : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1997. 18 с.
14. Хроленко А.Т. Идиолект былинного певца в словаре языка русского фольклора // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск : Гос. истор.-архитектур. и этнограф. музей-заповедник «Кижи», 2000. С. 298–308.
15. Холтобина А.С. Лексика былинного текста: жанровый, диалектный и идиолектный аспекты (на материале эпических текстов Т.Г. Рябинина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2015. 20 с.
16. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Сказительский идиолект Т.Г. Рябинина (на материале словаря былинной лексики) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 7 (184). С. 19–25.
17. Бобунова М.А. Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 44–65.
18. Бобунова М.А. Алфавитно-частотный словарь былин В.П. Щеголёнка // Лингвофольклористика. 2022. № 36. С. 49–60.
19. Праведников С.П. Предлоги в идиолекте пудожского сказителя А.Е. Чукова // Лингвофольклористика. 2024. № 39, ч. 1. С. 61–93.
20. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. АН, 1894–1900.
21. Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб. : Наука, 1965–2014. Вып. 1–47.
22. Бобунова М.А. Конкорданс XXI в.: новая старая форма // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 41–54.
23. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
24. Жирмунский В.М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литературы // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1960. Т. XIX. Вып. 3. С. 177–186.
25. Бобунова М.А. Сердце в русском эпосе // Лингвофольклористика. 1999. № 1. С. 27–31.
26. Сабынин А.Н. Основные виды дискретно-ритмических конструкций в текстах русских былин : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 18 с.
27. Блинова О.И. Теория → словарь → теория → словарь // Вопросы лексикографии. 2012. № 1 (1). С. 6–26.

References

1. Miller, O.F. (1869) *Sravnitel'no-kriticheskie nablyudeniya nad sloevym sostavom narodnogo russkogo eposa. Ilya Muromecz i bogatyrstvo Kievskoe* [Comparative-critical observations on the layer composition of the folk Russian epic. Ilya Muromets and the Kiev bogatyrdom]. St. Petersburg: tip. N.N. Mikhaylova.
2. Rybnikov, P.N. (1989) *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym: v 3 t.* [Songs collected by P.N. Rybnikov]. Vol. 1. Petrozavodsk: Kareliya.
3. Gil'ferding, A.F. (1894) Oloneczkaya guberniya i ee narodnye rapsody [Olonets province and its folk rhapsodies]. In: *Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: V 3 t.* [Onega bylinas recorded by A.F. Gilferding in the summer of 1871: In 3 vols]. 2nd ed. Vol. 1. St Petersburg: Tipografiya Imperial Academy of Sciences. pp. 1–62.
4. Bogatyrev, P.G. (1971) *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Issues of folk art theory]. Moscow: Iskusstvo.
5. Novikov, Yu.A. (2000) *Skazitel' i bylinnaya traditsiya* [The Storyteller and the Storytelling Tradition]. St. Petersburg: Dm. Bulanin.
6. Ukhov, P.D. (1957) Tipicheskie mesta (loci communes) kak sredstvo pasportizatsii bylin [Loci communes as a means of passporisation of bylinas]. In: *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Vol. II. Moscow; Leningrad: IRL USSR AS. pp. 129–154.
7. Kozhinov, V.V. (1999) *Istoriya Rusi i russkogo slova* [History of Russia and the Russian word]. Moscow: Algoritm.
8. Skaftymov, A.P. (1924) *Poetika i genezis bylin: ocherki* [Poetics and genesis of bylinas: essays]. Moscow; Saratov: Knigoizd-vo V.Z. Yaksanova.
9. Lyutikova, V.D. (1999) *Yazykovaya lichnost' i idiolekt* [Language personality and idiolekt]. Tyumen: Tyumen State University.
10. Makarova, N.V. (2000) *Idiolekt skaziteley v aspekte bylinnogo tekstoobrazovaniya* [The idiolekt of the narrator in the aspect of Bylin text formation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
11. Popova, G.S. (2018) Idiolekt skaziteley v epicheskom slovare ulusa [Idiolekt of narrators in the Ulus epic vocabulary]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2. pp. 46–50.
12. Rodionov, M.S. (2014) Vliyanie lichnosti skaziteley na informatsionnoe pole byliny [The influence of the narrator's personality on the information field of the bylinas]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 16 (345). *Filologiya. Iskusstvovedenie*. 91. pp. 112–116.
13. Karavaeva, M.A. (1997) *Idiolekt bylinnogo pevtsa* [The idiolekt of the epic singer]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kursk.
14. Khrolenko, A.T. (2000) Idiolekt bylinnogo pevtsa v slovare yazyka russkogo fol'klora [The idiolekt of the epic singer in the dictionary of the language of Russian folklore]. In: *Master i narodnaya khudozhestvennaya traditsiya Russkogo Severa* [Master and the folk art tradition of the Russian North]. Petrozavodsk: Kizhi Museum-Reserve. pp. 298–308.

15. Kholtochina, A.S. (2015) *Leksika bylinnogo teksta: zhanrovyy, dialektnyy i idiolektnyy aspekty (na materiale epicheskikh tekstov T.G. Ryabinina)* [Lexicon of the Bylina text: genre, dialect and idiolect aspects (on the material of epic texts by T.G. Ryabinin)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Belgorod.
16. Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. (2019) Skazitel'skiy idiolekt T.G. Ryabinina (na materiale slovary bylinnoy leksiki) [T.G. Ryabinin's narrator's idiolect (on the material of the dictionary of bylina lexicon)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7 (184). pp. 19–25.
17. Bobunova, M.A. (2023) Ob issledovatel'skom potentsiale leksikograficheskikh kompleksov fol'klornykh tekstov [On the research potential of lexicographic complexes of folklore texts]. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 28. pp. 44–65. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/3
18. Bobunova, M.A. (2022) Alfavitno-chastotnyy slovník bylin V.P. Shchegoleonok [Alphabetic-frequency dictionary of bylinas by V.P. Schegoleonok]. *Lingvofol'kloristika*. 36. pp. 49–60.
19. Pravednikov, S.P. (2024) Predlogi v idiolekte pudozhskogo skazatelya A.E. Chukova [Prepositions in the idiolect of the Pudozhsk narrator A.E. Chukov]. *Lingvofol'kloristika*. 39 (1). pp. 61–93.
20. Hilferding, A.F. (1894–1900) *Onezhskie byliny, zapisannyye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Oneza epics recorded by A.F. Hilferding in the summer of 1871: in 3 vols]. 2nd ed. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
21. Sorokoletov, F.P. (1965–2014) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–47. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
22. Bobunova, M.A. (2016) Concordance of the 21st century: a new old form. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 41–54. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/10/3
23. Evgen'eva, A.P. (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian language dictionary]. Vols 1–4. Moscow: Rus. yaz.
24. Zhirmunskiy, V.M. (1960) Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya literatur [Problems of comparative-historical study of literatures]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. XIX (3). pp. 177–186.
25. Bobunova, M.A. (1999) Serdtse v russkom epose [Heart in the Russian epic]. *Lingvofol'kloristika*. 1. pp. 27–31.
26. Sabynin, A.N. (1987) *Osnovnye vidy diskretno-ritmicheskikh konstruktiv v tekstakh russkikh bylin* [The main types of discrete-rhythmic constructions in the texts of Russian bylinas]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
27. Blinova, O.I. (2012) Theory → dictionary → theory → dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (1). pp. 6–26. (In Russian).

Сведения об авторе:

Бобунова Мария Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета (Курск, Россия). E-mail: bobunova61@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mariya A. Bobunova, Dr. Sci (Philology), professor, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: bobunova61@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2024;
одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 10.12.2024.*

*The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 10.12.2024.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит четыре раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – С.С. Земичева.

E-mail: lexikograph2020@yandex.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2024. № 34

Редактор А.А. Цыганкова
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.А. Цыганкова
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 20.12.2024 г. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 6,1; усл. печ. л. 5,6. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 6154.

Дата выхода в свет 15.01.2025 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru